

БОРИС ТОЛЧИНСКИЙ

ВОСКРЕСШИЕ И МСТЯЩИЕ

ТРЕТЬЯ КНИГА
ТРИЛОГИИ «НАСЛЕДНИКИ РИМА».
ИЗДАЁТСЯ ВПЕРВЫЕ!

Борис Толчинский

**Воскресшие и мстящие. Третья
книга трилогии «Наследники
Рима». Издаётся впервые!**

«Издательские решения»

Толчинский Б.

Воскресшие и мстящие. Третья книга трилогии «Наследники Рима». Издаётся впервые! / Б. Толчинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859873-9

Еретики Ульпины возвращаются, полные решимости сделать из Варга послушное орудие своей мести Империи. А её правитель Корнелий Марцеллин намерен жестоко расправиться с гордыми галлами. Сумеет ли отчаянный Нарбоннский вебрь отстоять и свободу, и честь, и любовь? Помочь ему в этой неравной схватке способна лишь прекрасная и хитроумная София Юстина, но ведь она надеется вернуть себе власть над Империей! Она не знает, что отныне над мятежным Варгом довлеют живые тени ненависти, воскресшие и мстящие.

ISBN 978-5-44-859873-9

© Толчинский Б.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Из записей Януария Ульпина	12
Из «Походных записок» рыцаря Ромуальда	14
Часть VI. Проклятие	15
Глава сорок седьмая, в которой читатель убеждается, что его любимая героиня, разлучившись с властью, остаётся его любимой героиней	15
Из воспоминаний Софии Юстины	15
Глава сорок восьмая, в которой снова происходят подозрительные чудеса	30
Из «Походных записок» рыцаря Ромуальда	30
Из записей Януария Ульпина	41
Глава сорок девятая, в которой молодая княгиня проявляет озабоченность здоровьем дорогой подруги	42
Глава пятидесятая, в которой аморийский резидент составляет одно донесение, а посылает другое	50
Донесение: доктор Ликон Транакис – князю Фасцию Клемину, логофету, министру колоний, в Темисию, дворец Большой Квиринал, Палаты Сфинкса (лично, совершенно секретно)	50
Из записей Януария Ульпина	52
Глава пятьдесят первая, в которой боевому генералу остаётся победить либо умереть на поле Амура	56
Интерлюдия шестая, в которой боги Вальхаллы оказывают наибольшее расположение	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Воскресшие и мстящие Третья книга трилогии «Наследники Рима». Издаётся впервые!

Борис Толчинский

Борис Толчинский

НАСЛЕДНИКИ РИМА

**Путь Империи. Расцвет
(трилогия)**

ВОСКРЕСШИЕ И МСТЯЩИЕ:

Книга Януса

*Третий роман из культового альтернативно-исторического
цикла*

«Божественный мир».

Издаётся впервые!

*Подробнее о цикле: [https://
boristolchinsky.livejournal.com/71253.html](https://boristolchinsky.livejournal.com/71253.html) и далее по ссылкам.*

Иллюстрация на обложке Томас Коул. Путь Империи. Расцвет (The Consummation of Empire), 1836

© Борис Толчинский, 2017

ISBN 978-5-4485-9873-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Автор выражает огромную благодарность коллегам с Форума Альтернативной Истории (ФАИ) и всем читателям, оставляющим свои отзывы, вопросы, замечания, пожелания и слова поддержки.

Моя особая признательность друзьям: Елене Навроцкой (Новосибирск), Руслану Смоудинову (Хазарзару) (Волгоград), Елене Долговой (Пермь), Тимофею Алёшкину (Москва), Алексу Лакедре (Москва).

Электронная почта автора

Boris.Tolchinsky@Gmail.com

Живой журнал

<https://BorisTolchinsky.livejournal.com>

Википедия <http://ru.PaxDei.wikia.com> (в разработке)

Пролог

Новогодняя ночь на 1 января 148-го Года Симплициссимуса (1787), где-то в Германии

Никто, кроме забытых гениев, не понимал, что это происходит наяву. И никто бы ни поверил – ни те двое, кому вскоре предстоит уйти к богам, ни остальные жертвы гениев, которым предначертано томиться в благодном неведении. Не поверили бы сами ментаты Мемнона, священной столицы могущественной Аморийской империи. Ибо ментаты, которые непросвещённому взгляду кажутся настоящими волшебниками, на самом деле люди, подобные нам, но сумевшие открыть для себя некоторые тайны человеческой души.

Кем были на самом деле эти забытые гении, адепты свободы, пленники любви и ненависти, затруднились бы сказать даже мудрейшие из отшельников Мемнона.

Густые, неумолимые тучи стесняли мирный звездный свод; колкие снежинки, эти замерзшие слезы неба, изливались из беспросветных туч, одевая лилейным саваном сумрачный хвойный лес; ледяной ветер завывал меж дремучих елей, свистел у опасных камней, огромных, зловещих, разбросанных посреди леса какими-то самоуверенными строителями в некоей великой, безвозвратно утерянной древности. Ни искры света не могло родиться в этой стылой томящей ночи. Только мрак, ветер, мертвый снег – и холод, ужасающий холод, который даже и мощных волков, истинных хозяев леса, заставляет этой лютой ночью прятаться в темные норы.

В такую новогоднюю ночь обязательно должно было что-то случиться. Что-то неприглядное посреди захватившего землю мрака, но неизмеримо важное. И оно происходило, не могло не происходить!

Посреди развалин древнего поселения, в чуде сохранившемся доме-мегалите, пылал огонь, и было жарко, словно кипящая река протекала через этот чертог. Коренастый мужчина, видом угрюмый карлик, какими обычно пугают детей, в гигантских кожаных сапогах, доходящих ему едва ли не до пояса, в ярко-красном кафтане, наверное, никогда не стиранном, с растрепанными черными космами и длиннющей рыжей бородой, с кривым ножом за поясом, – так вот, сей живописный карлик сновал меж многочисленных очагов, то и дело подбрасывая в пламя вязанки хвороста, поленья, древесный уголь, да ещё странные предметы подозрительного вида, которые, впрочем, горели намного лучше хвороста и угля.

А в центре чертога, у черного, рассеченного надвое, камня, – кто-то из опытных, но случайно забредших сюда читателей книг сказочного жанра наверняка подумает, что это алтарь, – стоял человек весьма впечатляющей наружности. Облачение его составляла длинная, до ступней, рубаха желтовато-пепельного цвета. На поясе рубаху схватывала веревка, витая из девичьих волос, когда-то бывших золотыми; повсюду этот необычный ремень украшали бляхи с ликами чудовищ и черепами существ, находящихся в отдаленном родстве с людьми. Крупное лицо этого господина сплошь состояло из морщин, как перепаханное поле из борозд. Глаза были отчетливо рыжего оттенка – или это только казалось в свете огнищ. Ресниц вроде не было вовсе, зато выше кустились сросшиеся черные брови. И волос было много, они упрямо лезли в лицо, преодолевая преграду в виде простого металлического обруча. Впрочем, нет, обруч не был простым: спереди его украшала гемма с изображением свирепо глядящего мужа, бородатого и одноглазого; всякий язычник с Севера, будь то скандинав, германец или галл, без труда узнал бы в бородаче Вотана, или Одина, знатнейшего среди богов, владыку Вальхаллы.

Для полноты картины опытному читателю книг сказочного жанра не хватает только черного ножа, желательного из обсидиана или иного редкого материала, ещё жертвы, прекрас-

ной девушки на алтаре, над которой как раз и заносится нож, а также героя, который вот-вот, в последний миг, ворвется в логово злодея-чернокнижника, поразит его самого и присного карлика, затем освободит свою страсть из чародейских пут; способ, каковым геройствующий персонаж пробьется к логову, не столь уж важен – в конце концов, чтоб не замерзнуть по пути, герою достаточно явиться из какого-то иного измерения, где, очевидно, климат более благоприятствует героическим подвигам.

Увы, всё было тут куда как прозаичнее: колдун у алтаря нож не держал в руке, не заносил его над алтарем, и девушки на алтаре на самом деле не было, как и злодейских мыслей в голове у колдуна. А сам он не был колдуном, хотя любил казаться. Стоял он перед этим черным камнем и шептал молитву. Само собой, героя он не ждал, поскольку просто не было проблем для настоящего героя; тот же, кого тут очень ждали, никак не проявлял себя. А карлик знай себе подбрасывал дрова в очаг, да озабоченно поглядывал в сторону хозяина.

Вдруг чародей воздел обе ладони и яростно воскликнул:

– Явись, о Дух Великий, приди ко мне, ничтожному слуге, даруй мне свою силу!

Вскричав такое, коленопреклоненный чернокнижник затворил глаза и принялся бормотать слова, понятные ему одному.

Карлик вполоборота посмотрел на господина, сумрачно вздохнул, в который уже раз сплюнул через правое плечо и подкинул в пламя очередной горячий предмет.

Ещё некоторое время прошло, и чародей снова подал голос. Слова были другие, но смысл не отличался: очевидно, волшебнику никак не удавалось добиться от Духа Великого взаимности, хотя он неутомимо подступался к Духу со всех сторон, где только тот мог обретаться.

Однако и в этот раз никто не откликнулся. Колдун опять пустился в бормотания, а карлик знай себе подпитывал очаг, но с убывающей охотой.

Этот безнадежный ритуал повторялся в новогоднюю ночь уже много-много лет; сколько точно, ни карлик, ни его господин не знали.

Колдун ещё что-то бормотал, а карлик, потерявший уже всякую надежду, устало бродил по периметру чертога, когда в вышине, как раз над алтарем, возникла смутная тень, некое таинственное темное сгущение воздуха, отдаленно напоминающее силуэт человека. Было оно невелико, не приметно, и находящиеся внизу его не замечали, пока колдун в очередной раз не вскинул руки, чтобы выкрикнуть своё призывание.

Слова замерли на его языке – колдун, отрывши рот, молча взирал на это облако. Карлик проследил за взглядом господина и ничего не увидел. Беззвучно выругавшись, карлик отвернулся.

– Что попусту глазеешь? – слышал между тем волшебник. – Если тебе нечего сказать, пожалуй, я вернусь обратно, туда, откуда прибыл.

Колдун испуганно моргнул и обвел взглядом чертог. Было очевидно, что никто, помимо тени, эти слова сказать не мог – карлик был нем от рождения.

Собравшись с силами, колдун вновь посмотрел на тень и спросил:

– Кто говорит со мной?

– Кого ты призывал, тот говорит с тобой, – ответила она.

Гримаса не то радости, не то страха, не то отчаяния перекосила лицо колдуна.

– Ты Дух Великий?

– Он самый, – отозвалась тень. – Ты верно мне служил, и вот решил я даровать тебе награду. Вернее, мне прискучили твои стенания.

Голос у тени был более чем странным: не мужской и не женский, не высокий и не низкий, ни чистый и не шипящий – словно камень, металл или воздух изрекали человеческие слова. Голос звучал не только сверху, но и снизу, со всех сторон; отражаясь от стен, он вибрировал, усиливая сам себя – и затихал, как эхо в горах.

Для колдуна это было хорошим доказательством, что Дух Великий в самом деле посетил его. И всё же он, для верности, спросил:

– А чем докажешь, что ты Дух?

– Тем докажу, что вмиг исчезну, словно и не было меня, а ты останешься стенать и будешь этим заниматься, пока горбатая не заберет тебя в страну таких же мелких недоумков, – сварливо отозвался голос.

Не на шутку испугавшись, колдун молитвенно сложил руки и воскликнул:

– Прости меня, ничтожного, Великий Дух, я грешен пред тобой!

– Все грешны предо мной, – холодно молвил голос, – и что теперь? Я должен к каждому из вас являться, дабы отпускать грехи? Ты, что же, полагаешь, у нас, великих духов, иной заботы нет?

– У вас? – изумился колдун. – Я думал... мне казалось, ты один, Дух Великий, Вечный, Всемогуший!

– Уймись. Один я, именно такой, как ты сказал. Ещё я самый мудрый: сей ипостасью я к тебе явился; а прочий я другими занят. Пожалуй, нечего мне делать больше у тебя: ничемный разговор мне, Духу, негоден.

– Постой, мудрейший среди мудрых! – отчаянно воскликнул человек. – Я ждал тебя полную тысячу лет!

– Ещё и лжец вдобавок, – брезгливо посетовал голос. – Ты думаешь, назвался колдуном и коротышку в слуги заимел, оделся, как колдун, живешь убогой жизнью – и ты достоин моих благ? Смешно мне на тебя глядеть. Тебе бы в цирке выступать, хотя бы добрый люд потешил.

Чернокнижник залился краской и не нашелся, что ответить.

– Обидно мне одно, – сказал вдруг голос, – что ум твой равен колдовскому мастерству. А я, как Дух, мудрейший среди мудрых, в ваш мир напрасно не являюсь. Тут надо нечто совершить – иначе больно делается мне за миг, бесцельно проведенный. Заметь: мучительно больно! Поэтому обычно я либо награждаю, либо караю. Поскольку ты не просишь у меня наград, придется мне тебя убить.

Рыжебородый карлик с изумлением смотрел, как его господин заламывает руки и посиневшими губами – карлик, подобно многим глухонемым, умел понимать по губам – восклицает:

– Пощади, Великий Дух, и награди меня!

«Рехнулся наконец, проклятый, – подумал карлик. – Как только потеплеет, сбегу отседа. Дай, светлый Вотан, добрых людей: пригреют, обласкают, а может, кто шутком возьмет или людей пугать. Я-то сумею! Али подамся к амореям – там, говорят, дивные люди в почете у господ патрисов...»

Карлик не слышал, как голос говорил:

– Награды просишь, смертный? Изволь! Желаеть получить красавицу жену? Молчи – сам вижу, промахнулся. Да, знаю – мечтаешь обрести бесценный манускрипт! Опять не то? Ну, ладно... Нет, я не верю – ты алчешь стать владыкой братьев наших меньших? Что ж, похвалю тебя за дерзость!

– О, нет, Великий! Мечтаю о богатстве я...

– Всего-то? – разочарованно протянул голос. – Стоило стараться! О-ох, мелкий нынче люд пошел средь ведунов... В прежние времена тебе подобные иначе как о власти над миром и не заикались!

– А можно? – зачарованно спросил колдун.

Голос из облака насмешливо хмыкнул:

– Тебе – навряд ли! Итак, чем будешь брать своё богатство: слитками золота, жемчугом, адамантами? Или желаешь рабами, ходячей ценностью? Помимо упомянутых богатств,

имеются в наличии подлинные платиновые империалы с изображением Его Божественного Величества Виктора Пятого Фортуната, императора-августа аморийцев, в полный рост и в коронационном облачении... Ну, быстрее думай: не один ты у меня богатства жаждешь!

«Не понял ты, Великий Дух! Не золото нужно мне, а знания, которые суть сила!» – хотел воскликнуть чернокнижник, но губы сами прошептали, словно бы в экстазе:

– Империалами давай! И чтобы вместо Виктора сам я там был изображен!

В то же мгновение из воздуха посыпались империалы – большие платиновые кругляши, и на каждом живописан был, в полный рост и в аморийском коронационном облачении, наш знакомый чернокнижник...

– Ещё, ещё! – вопил он, вздымая руки к туманной тени, той самой, которую по-прежнему не различал рыжебородый карлик; надо ли говорить, что никаких империалов карлик также не видел?

Внезапно водопад монет иссяк.

– Ты получил задаток, – провещал голос, – а остальное будет, как только одолеем все необходимые формальности.

Колдун непонимающе посмотрел в пустоту, и голос поспешил ответить на немой вопрос:

– Не беспокойся. Всего-то надо – пожелать, чтоб я вошел в тебя и стал тобой. Формальность, да и только.

Колдун отпрянул.

– Тебе нужна моя душа! – в прозрении воскликнул он.

– А чем ещё заплатишь? – насмешливо осведомился голос. – Неужто полагаешь ты, нам, обитателям Астрала, от вас, людей, иное нужно? У вас, помимо душ, пожалуй, только разум... И обладающие разумом нас, духов, на подмогу не зовут.

– Нечистый, сгинь! Я душу не продам за все сокровища Асгарда!

– Ну и глупец, – рассмеялся голос. – Не далее, как в прошлой вечности сам Вотан уступил мне правый глаз; взамен я наградил его, и все теперь считают, что Вотан – самый мудрый... какие недоумки!

Колдун недолго колебался.

– Возьми мой глаз за мудрость; хочу быть Вотану подобным!

– Так не пойдет, – строго заметил голос. – У нас другой порядок принят: сперва стань равным Вотану, потом проси... сам посуди, зачем мне глаз слепого?

Колдун бросил тоскливый взгляд на свою левую руку и прошептал:

– Бери её, Могучий! Всё лучше, чем бездушным быть!

В голове зазвенело от незримого хохота. Внезапно хохот оборвался, и незадачливый проситель уловил:

– У нас тут не базар. Не хочешь душу уступать сильнейшему из сильных – уступишь её проклятой старухе. И без того я время у тебя теряю. Любой бы уже душу продал и наслаждался тем, что получилось... Подумай сам, зачем тебе душа? Много ли ты с неё имеешь? Не лучше ли вернуть такой никчемный дар другому, понимающему в душах, ну а взамен земным богатством усладиться? Как замечал один разумный иудей, Богу – Богово, кесарю – кесарево. Иначе говоря, Духу – души, смертным... Итак, готовься к смерти, злополучный!

Колдун закрыл голову руками, словно так надеясь защититься от незримой сущности, и в иступлении вскричал:

– Пусть будет так, как ты желаешь! Бери меня, Великий Дух, войди в меня, стань мной!.. И наслади меня земным богатством!!

Карлик давно понял, что с хозяином беда. Но как помочь хозяину, не знал, а если б знал, навряд ли бы помог. В какой-то миг карлик увидел, что господин внезапно содрогнулся –

всем телом, точно молнией пронзенный! – и тут же рухнул у черного, расколотого надвое, жертвенного камня.

Карлик осторожно обошел тело. Господин не шевелился. Тогда карлик дотронулся до него кочергой. Ничего!

Карлик подошел ближе и потыкал кочергой в разные места. Хозяин не подавал признаков жизни. Карлик дотронулся до руки хозяина и понял, она теплая. Затем карлик дотронулся до шеи... Хозяин был жив!

«Видать, очухается скоро, – подумал карлик. – Знавал я одного припадочного; никому в округе житья от него не было... покуда вилами злодея не проткнули! А вдруг и этот... не будет мне пощады, когда придет в себя проклятый!»

Приняв решение, карлик занес кочергу над головой своего господина. В тот же миг голову пронзила боль – настолько острая, что карлику не хватило сил застонать. А следом явился голос:

– Не делай этого, дружок. Грех беззащитных убивать. Великий грех!

Оглушенный этой нечеловеческой болью и этим непонятым голосом, повинувшись чужой воле, карлик поднял голову. И увидел над собою серую тень.

– Не может быть! – охнул карлик, забыв о том, что он глухонемой.

Хозяин между тем поднялся на ноги. Чужая воля заставила карлика взглянуть на хозяина. Да, это был он, хозяин. Только в какой-то миг карлику показалось, что видит он лицо совсем другое – маленькое, бледное, чем-то похожее на физию крысы, с бесцветными глазами и удивительным огнем, полыхающим в них...

Хозяин странно улыбнулся и проговорил, не раздвигая губ:

– Приветствую тебя, дружок. Скажи мне своё имя: это будет первый вопрос к тебе.

Карлик, чуть живой от ужаса, замычал и попятился.

– Не бойся, Андвари, – ласково молвил хозяин, – я тебя не съем: достаточно мне одного недоумка... Да, кстати: *annum novum bonum felicem faustum fortunatumque*.¹

* * *

¹ «Счастливого Нового года» (лат.)

Из записей Януария Ульпина

Нет на свете человека более великого, чем Марк Ульпин, и нет большего счастья, чем являться его сыном!

Мы превзошли ментатов из Мемнона, как люди объективно превосходят обезьян.

Всё получилось так, как предвещал отец, когда ещё мы были живы... я имею в виду, в прежних, в человеческих телах.

Мы провели их всех, от благородного Варга до Софии, умнейшей среди женщин.

Отец прекрасно сознавал, что рано или поздно амореи нас настигнут, а благородный герцог ничем не сможет нам помочь – для нас было важнее сохранить его для новых битв. Поэтому отец явил свой образ Варгу и научил, что нужно делать.

Варг сдался амореям; на следующий день в наше пещерное жилище ворвались враги и захватили нас. Критический момент! Признаюсь, я до конца не был уверен, что нам удастся отделить себя от бранных тел. Амореи сами облегчили нашу задачу, мгновенно заморозив эти тела. Ментальные умения отца и вера в торжество нашей идеи помогли нам возвыситься над жалкими останками. Дух победил материю – мы больше не были узниками физических тел!

Даже София, сама талантливый ментат, не обнаружила подвоха. Не смею осуждать её за это: всякий человек, чья мысль скована проклятым Учением Аватаров, не способен бросить взгляд за горизонт разрешенной науки. София приказала сжечь наши тела, и их сожгли... а мы остались на свободе, мы, похороненные всеми!

Нет смысла описывать наши новые ощущения: узникам физических тел не понять их. Скажу лишь, даже нам непросто было сохранить рассудок. Иные сущности витали вокруг нас, смущая разум, соблазняя дух, – но мы, могучие своей идеей, остались теми, кем были – остались мы Ульпинами, заклетыми еретиками, то есть борцами за свободу угнетенного народа Амории. У нас была цель, более великая и светлая, чем цели Александра и Цезаря – во имя этой цели мы обязаны были остаться сильными во всяком мире, куда забросит нас немилосердная Судьба.

Наполовину погруженные в Астрал, в мире людей мы были бессильны... почти бессильны. Отец предусмотрел и это. Он рассчитал, что мы сумеем обрести новые тела. «На свете много недоумков, готовых, точно проститутки, собою поступиться во имя эфемерных благ, отдаться первой встречной сущности, пусть даже это будет дьявол или астральный скоморох», – всё время говорил отец.

Он оказался прав – однако варианты не устраивали нас. Нам попадались человекишки настолько мелкие, что сама мысль даровать их телам души Марка и Януария Ульпинов казалась оскорбительной для дела, которому мы служим. Признаюсь, я долго возражал и против этого ведуна... Отец, подводя итог нашей мысленной дискуссии, заметил: «Мы лучше экземпляра не найдем. Этот хотя бы с благородными намерениями и даровитый, для варвара-язычника. Уверен, я сумею проявить его таланты. Подумай, Янус, какая у него отличная легенда! И внешность, о какой мы не могли мечтать. Никто не заподозрит в этом живом реликте мифологических времен ученого куратора Ульпина!».

Так рассудил отец – и снова оказался прав! Смутить карикатурного волшебника было делом техники, вернее, психологии: ведун увидел то, что захотел увидеть, о чем мечтал всегда, мечтал до исступления!

Отец с блеском провел этот опыт, овладел ведуном, подавил его ничтожное «Я», быстро освоился в новом теле, и вскоре мы уже допрашивали карлика.

Конечно, не было и речи о том, чтобы я в него вселился. Придется подождать другого экземпляра. Самое важное, отец уже имеет тело.

Мне даже и не верилось, что это наяву!

Мы извлекли из карлика всё, что он знал и что могло нам пригодиться, — ну а затем отец испробовал на карлике вновь пробужденные ментальные возможности своего нового тела. В завершении наших опытов карлик уже не являлся разумным индивидом, поэтому отец счел за благо освободить несчастного. К моему удивлению, отец сделал это, используя пирокинез.

Я наблюдал своим ментальным зрением, как по мысленному приказу отца пламя охватывало карлика, и был в смущении: прежде отец не владел искусством пирокинеза!

«Возможности этого тела шире, нежели у предыдущего, в котором я родился, — с готовностью объяснил отец. — Наверное, есть недостатки. Мы всё изучим, Янус, и мы поймем, с каким явлением столкнулись. Мы будем пионерами астральной трансплантологии! Никто до нас не смел даже помыслить о синтезе души ученого и тела варвара!»

Великий, величайший гений, титан свободной мысли, в сравнении с которым Демокрит и Аристотель заурядные невежды, достался мне в отцы! И если прежде, каюсь, были у меня сомнения в успехе нашей справедливой миссии, то нынче все они отпали. Кто выжил после смерти, кто обошел врагов и сохранил друзей, кого питают сила духа и вера в торжество святой идеи, — тот одолеет призрачных богов, проклятых аморийских аватаров, этих зловещих монстров, паразитирующих в душах.

Мы сокрушим Империю Чудовищ, своим умом, руками смертных, и на обломках проклятой державы воссоздадим свободные республики трудолюбивых граждан.

Вот наша цель; но прежде надлежит вернуться к Варгу — сей благородный троглодит способен стать грядущим избавителем цивилизации от многовекового рабства.

Мы поведем его к свободе.

* * *

*148-й Год Симплициссимуса (1787),
22 января, Галлия, окрестности Нарбонны*

Из «Походных записок» рыцаря Ромуальда

Мы стояли на берегу и смотрели, как исчезают за горизонтом вражьи корабли. Мы – это мой герцог, его жена с маленьким Свенельдом на руках и рыцари, наши верные друзья.

– Мы победили их. Они бежали. Им не осталось ничего иного. Вернее, нет, они могли нас уничтожить. Всех. Им не хватило духу. И они бежали. Теперь нарбоннская земля свободна. Она – наша, и мы устроим нашу жизнь по своему хотению!

Эти достойные слова сказал мой герцог. Клянусь волшебным молотом Донара, он говорил не хуже, чем сражался! Мы, рыцари, прокричали здравицы ему и Доротее. Она их тоже заслужила!

Мы проводили взглядом вражьи корабли, а когда они исчезли, сели на коней и поскакали в Нарбонну. Нас ждал пир. В городе было голодно, но кое-что осталось. Нам много яств не нужно было для праздничного пира – у нас была свобода, она насытит нас.

Шел снег. Белые хлопья ложились под копыта наших лошадей. Я задрал голову вверх, откуда сыпались они, и ещё успел подумать, как славно, что этот чистый белый снег больше не будет топтать сапог проклятого легионера. Я это успел подумать – и в тот момент увидел чудо. Я увидел его первым!

– Смотрите! – воскликнул я. – Сам одноглазый Вотан приветствует нашу победу!

Все посмотрели вверх и тоже увидели это чудо. В небесной вышине верхом на восьминогом Слейпнире парил и потрясал копьём Гунгнир, приветствуя нашу победу, владыка Вальхаллы, а на плечах его сидели два мудрых ворона, Хугин-Мысль и Мугин-Память.

Тут взгляд мой обратился к герцогу. Я обомлел. Его лицо вмиг стало белым, как этот свежий снег. Кругом нас радовались наши друзья, красавица Доротея показывала маленькому Свенельду великое чудо, – но мой отважный государь сидел на лошади, как пикую пронзенный, кудри его вороные стояли дыбом, глаза выкатились из орбит, точно не бога истинного увидел он, а чудище какое или мертвеца, восставшего из царства Хель... И я услышал странные слова, которые срывались с его губ:

– Они... они живые!.. Атмосфера и корабль... моё бегство... моё спасение... И эти сны!.. Это они, они... опять, опять они!

Часть VI. Проклятие

Глава сорок седьмая, в которой читатель убеждается, что его любимая героиня, разлучившись с властью, остаётся его любимой героиней

Из воспоминаний Софии Юстины

Три месяца я не у дел. Воистину, не ждала, что расставание с властью окажется столь горьким, унижительным, мучительным!

Да, три месяца тому назад, ясным днем двадцать второго января, я отреклась от чести быть первым министром правительства Его Божественного Величества. Перед этим я победила всех недругов, соперников и равнодушных – своим отказом от заветной цели я победила самое себя. Август Виктор Пятый, этот мудрый бог Державы Фортуната, понял и простил меня. Сверх того, он отпустил мои неисчислимые грехи и благословил меня начать жизнь сначала. «Ты молода и многое ещё успеешь сделать в жизни», – сказал мне на прощание Божественный Виктор.

Я знала, разумеется, кто явится на смену мне, – тот, чьей заветной мечтой была не власть земная, а странная любовь, которую он сам себе придумал. Он, мой соперник, недруг мой, мой политический противник, брат моей матери, сенатор, князь и консул Корнелий Марцеллин, без памяти любил мой образ, не меня. Я не могла ему ответить с той же страстью. Мой дядя, полагаю, самый талантливый злодей, какой только встречался на моем пути. Я уважаю дядю, за сильный ум, упорство, хитрость, за интуицию и смелость, – но полюбить такого не могу.

Когда я отреклась от власти и, в то же время, отказалась делить с дядей ложе, он испытал потрясение. Я, к счастью, обманулась: дядя не жаждал мести. Мы с ним стояли у великих стен Палатиума, он плакал и шептал: «Как может смертный мстить богине? Я преклоняюсь перед вами, я – ваш верный раб! Я буду ждать... ждать столько, сколько богам угодно будет... и вам, моя великая любовь!», – он всё ещё надеялся!

Затем мы с ним поехали в Сенат, и тут же мне пришлось расплачиваться за свою победу. Мои сторонники, члены аристократической фракции, многим из которых я пообещала высокие посты в правительстве, узнав, что я по доброй воле упустила власть, чуть не растерзали меня – конечно, словом, но слова эти, слова людей, поверивших мне и мной разочарованных, жалили больнее настоящих стрел... Фракция дружно выразила мне недоверие и избрала лидером сенатора Леонтия Виталина, человека, бесспорно, умного и порядочного, но к яркой политической игре не склонного.

Так благодаря мне аристократическая фракция, правившая Державой Фортуната более сорока лет подряд, стала «оппозицией Его Божественного Величества».

И дальше случилось то, чего следовало ожидать. Корнелий победил в Сенате с огромным перевесом, два дня спустя его охотно поддержали делегаты от народа, и двадцать пятого января он снова посетил Палатиум, на этот раз затем, чтобы принять от Божественного Виктора пост первого министра.

Меня в то время уже не было в Темисии. Утро двадцать пятого января я встретила в горах Киферона, на новой вилле своего отца Тита Юстина – эту виллу он приобрел, когда ушел в отставку.

Отец – старый, уставший, со слезящимися глазами и трясущимися конечностями – встретил меня такими словами: «Я убежал от тебя, жестокая дочь, ибо ты хотела править, а у меня не было сил тебя остановить. *Vae misero mihi!*² Ты и здесь меня нашла, неугомонная. Молю, оставь отца в покое, дай с миром умереть!»

После такого приветствия не было ни воли, ни желания что-либо объяснять. Отца сама я оттолкнула, презрев его страдания. Дочь стала для него чужой. Понятно, я не могла жить вместе с ним. Повидавшись с Палладием и Платоном, моими сыновьями и его внуками, я уехала.

Мой путь лежал к любимому мужчине. Марсий жил на соседней вилле и каждый день ездил в Клинику психиатрической реабилитации, специалисты которой пытались вернуть рассудок его матери, Клеменции Милиссине.

Клеменция повредила рассудком не без моего участия. Но я не представляла, что обида Марса на меня столь глубока. «Я звал тебя – ты отказалась, предпочтя власть любви. Что, передумала, решила помогать мне? А завтра что? Могу ли быть уверен, что завтра не сорвешься в новой бой с Корнелием?»

О да, Корнелию он благодарен – воистину, от ненависти до дружбы даже менее, чем шаг! Мой хитроумный дядя купил благодарность Марса, сдержав все свои обещания насчет Клеменции. Лучшие врачи денно и нощно занимались ею, и прогресс был налицо. Клеменция начала узнавать сына, в речах её пробивался разум: всё говорила за то, что она скоро поправится.

Мне он воспретил навещать её. «Не знаю я, какие помыслы тобой владеют, – заявил мне Марсий. – Знаю одно: ты выгодой живешь, тебе неважно, добром её добудешь или преступлением; не стану гадать, зачем ты хочешь к моей матери. Уйди, подальше от греха!»

Эти обидные слова мне говорил мужчина, который прежде обожал меня, который и сейчас любил свою Софию – и я его любила, я жаждала его вернуть, я ради этого презрела власть над всей Империей, над целым миром.

В свидетели зову богов: как я пыталась! По-моему, в политике мне было легче. Даже в объятиях жестокого Танатоса, когда циклон играл моим монопланом, я так не страдала. Я унижалась, умоляла, атаковала, отступала и снова устремлялась, чтобы взломать броню неверия, которой он укрылся от меня, затем играла сцены, я изощрялась так и сяк. По-моему, я самому Нарциссу внушила бы великую любовь ко мне – а Марс по-прежнему глядел вполоборота, в глазах его читала я загадочную смесь презрения, страдания и страха... Он будто бы боялся снова полюбить меня!

Это казалось пыткой, самой ужасной из многих. На остальные я старалась не обращать внимания. То были обычные терзания человека, отставленного от большой власти. Если прежде повсюду, где бы ни появлялась я, мне старались угодить, то теперь приходилось с боем брать даже самую нелепую твердыню, проблемы возникали будто для меня, и окружающие словно бы нарочно старались досадить именно мне, Софии. Меня везде встречали как просительницу, – меня, дочь и наследницу Юстинов, великородную княгиню, логофета и сенатора Империи! – затем искали любой повод, чтобы отказать, а отказав, стреляли в спину наглыми ухмылками. Старинные друзья семьи меня не жаловали, полагая единственной виновницей несчастий Тита, друзья Корнелия по-прежнему были врагами, а остальные, прежде раболепствующие предо мной, видно, решили, что можно сбрасывать Софию со счетов... Было от чего прийти в отчаяние!

Возможно, меня третировали неспроста. Возможно, это настоящий заговор, и нити тянутся к Корнелию. Мой дядя, ныне могущественный правитель Империи, несчастлив без

² «Горе мне, несчастному!» (лат.)

меня. Он так ко мне привык и так в меня влюбился, что жаждет возвратить меня любой ценой.

Я не хотела даже думать, что Марс отказывается от своей любви по сговору с Корне-
лием.

Так минули два месяца; ушла зима, но ничего с весной не изменилось, а стало только хуже. Теперь я точно знала, как и почему ломались, угасали многие великие люди, едва лишившись власти.

Однако мне не минуло и двадцати девяти от роду, я была умна и красива, вернее сказать, я была намного умнее большинства своих сверстниц и неизмеримо красивее их, я прекрасно понимала эти свои преимущества, равно как и многие другие достоинства, выделявшие меня и сделавшие той, кем я стала, – но, главное, я не привыкла к поражениям от низших, я не умела проигрывать! Я знала, что перестану уважать себя, если их заговор удастся, если они столкнут меня в депрессию и превратят в своё послушное орудие.

Месяц назад, когда им уже казалось, что София Юстина доведена до нужной степени отчаяния, я решила нанести ответный удар и показать наивным, что так легко им от Софии Юстины не избавиться.

Я прилетела в столицу и выступила на заседании Сената. Это нужно было видеть, это нужно было слышать! Словно вся злость за все их пакости, словно все мои таланты, словно вся энергия моя, которую они мысленно уже похоронили, разыгрались разом – иначе говоря, подлинная наследница духа Юста Фортуната воспламенилась во мне, и не было им спасения! Моя зажигательная речь длилась более трех часов, но никто из коллег-сенаторов не посмел меня остановить. И хотя правительство Корнелия Марцеллина находилось у власти без году неделя, я обрушилась на него, точно именно это правительство виновно во всех несчастиях, свалившихся на мир в последнюю тысячу лет. Сверх того, я высмеяла программу Марцеллина, доказала её необоснованность, авантюризм, опасность для нашей великой державы. Уже к середине моей речи дядя сидел лицом багровый, точно Юпитер в гневе. Но, когда я завершила речь, он аплодировал совместно с остальными; не помню ещё случая, чтобы в Сенате гремела столь великая овация!

Veni, vidi, vici!

После триумфа ко мне подошли трое видных сенаторов аристократической фракции. Они заявили, что князь Леонтий Виталин в любое время готов уступить лидерство над фракцией, и что нужна я старым друзьям, «во имя торжества идей патристианского единства».

Не старые друзья со мною говорили – старые, неисправимые лицемеры! Они почувствовали запах власти. Верно, решили, что я собралась штурмовать бастионы Корнелия, опять надеются проникнуть в Квиринал вместе со мной: им стало ясно, лицемерам, что князь Леонтий власти не добудет.

С «друзьями» говорила холодно. Пускай помучаются неизвестностью, как мучили меня. Тем более, сейчас не время идти в атаку на правительство: Корнелию найдется, чем ответить. А если и когда наступит это время, злосчастным лицемерам придется долго уговаривать меня, молить и унижаться, и лишь затем, возможно, я соглашусь, а позже, став у власти, морально раздавлю предателей!

Моя речь наделала в Темисии много шума. Поборники правительства быстро оправились; из тайников явились грязные бумаги, уличающие меня и прежних моих сторонников во всевозможных грехах. Я не стала участвовать в новом скандале, который сама же и спровоцировала, а попросту покинула столицу.

Я возвратилась в Киферею. В киферопольском аэропорту меня встречали разные «друзья семьи», ещё приехал сам архонт провинции. И прочие, чиновники разрядом ниже, больше не смели унижать меня. У этих мелких служек прекрасно развит инстинкт власти:

едва почувствовав, что я могу вернуться в силу, они вновь раболепствовали предо мной! Я наградила их презрением и отправилась к Марсу.

На вилле его не было, и я поехала в клинику. Стражи, поставленные у палаты Клеменции не то самим Марсием, не то Корнелием, пытались остановить меня, но я сломила их сопротивление и вошла в палату. Клеменция сразу узнала меня, а узнав, встретила как друга. Марсу ничего не оставалось, как принять это. Мы говорили целый час, и мне казалось, что лучшие мгновения нашей любви вернулись! В какой-то миг мне даже почудилось, что Клеменция готова нас благословить. Я была на вершине счастья, и Марс не сдерживал свою любовь ко мне. Но тут вошли врачи, люди Корнелия, и под предлогом, что больной опасно утомляться, выставили меня и Марса вон.

Ночь провела на вилле Марса, и грезилось, что это лучшая ночь в моей жизни. Словно я не знала: за каждой радостью идет расплата, чем больше радость, тем злее неизбежная расплата.

Ещё не наступил рассвет, как нас подняли вестью о резком ухудшении здоровья его матери: Клеменция опять не узнавала никого. Марс бросил на меня отсутствующий взгляд, один лишь только взгляд – того было довольно: он был потерян для меня. Я не хотела с этим примиряться, я бросилась за ним, я убеждала, что это просто рецидив, что так бывает иногда, я приводила верные примеры, когда за рецидивом психической болезни идет выздоровление, я даже объясняла, что рецидив случился, поскольку бедная мать переволновалась, от радости за счастье сына... в этот момент Марс обернулся ко мне, лицо его было страшнее маски Тифона, мне показалось, он готов меня ударить. Но он сдержался и всего лишь заявил: «Не счастье, а беду несешь с собой ты, Тривия; откуда не было тебя, здоровье мамы поправлялось – а ты приехала, и все усилия врачей пошли насмарку!» Мне было горько и обидно, я хотела ответить ему, сказать, что, вероятно, местные врачи, люди Корнелия, нарочно спровоцировали рецидив, чтобы, в угоду первому министру, поссорить Марса и меня; а может быть, дядя сам отдал им такой чудовищный приказ... Я не сказала ничего: во-первых, это уже была политика, те самые ненавистные Марсу интриги, из-за которых он меня оставил, а во-вторых, мне просто надоело унижаться перед ним.

Неделю я ждала, надеялась, что он поймет: на этот раз я невиновна, и сам придёт ко мне... Он не явился.

Последний день марта был днем его рождения, ему исполнилось ровно тридцать лет. Из космополиса приехала Эстелла, его старшая сестра, жена Корнелия. Она же рассылала приглашения на прием. Я втайне верила: вот-вот придет курьер и передаст, что Милиссины рады меня видеть на празднике в честь юбилея Марса. Я так ждала, ждала до неприличия наивно, не как София, а как Пенелопа. Но курьер от моего Улисса не пришел... Зато шли дни, все приглашения были разосланы; мне стало ясно, что Милиссинам я *persona non grata*.

Боги видят, я всей душой мечтала вернуть Марса, вернуть по-доброму, не прибегая к морально уязвимым методам. Ну, что ж, если по-доброму не вышло... Я сговори-лась с двумя рабами Марса, кому он всецело доверял: первому, алчному, посулила свободу и богатство, другому, слабому душой, пригрозила раскрытием страшной тайны, которую хранил он. Обоим я дала инструкции, сама же утром двадцать шестого марта отбыла в Гелиополь.

В Гелиополе нынче правила Медея Тамина, моя недавняя подруга. Именно я протолкнула её, тридцатилетнюю провинциалку, на пост архонтессы «золотой провинции», как часто называют Илифию. Разумеется, я не стала доверять «подруге» свои истинные заботы, ибо знала, что Медея способна предать меня в любой момент, когда ей это будет выгодно. Я попросила её помочь мне срочно приобрести поместье на берегу океана. Медея, со свойственным ей хитроумием, попыталась утопить мою просьбу в ничего не значащих обещаниях, однако я быстро её раскусила – на самом деле «подруга» хотела сперва связаться с Кор-

нелием, дабы испросить его указаний насчет меня и моей просьбы, – и поставила её перед выбором: «Либо ты мне помогаешь сейчас, либо не жди от меня дружбы!»

Она тоже хорошо меня знала, недаром мы «дружили» двенадцать лет. Она представила, какие неприятности смогу ей причинить, когда стану первым министром. Хотя за минувшие два месяца Медея показала себя умной наместницей, ей было кого опасаться: очень многие влиятельные силы в Илифии до сих пор не жаловали «выскочку»; впрочем, даже если бы её перевозносили как святую, я обязательно нашла бы крохотное пятнышко на белой тунике, немного постаралась бы, и туника бы белой никому не показалась.

Итак, Медея сочла за меньшее из зол исполнить мою просьбу, и уже к концу дня двадцать шестого марта я стала владелицей богатейшего поместья на берегу океана, и не где-нибудь, а в ста пятидесяти гермах к северу от Гелиополя, в лучшем районе «золотой провинции». Поместье стоило миллион имперIALов; разумеется, с собой у меня не было, да и не могло быть такой гигантской суммы, и Имперский Банк в Темисии не успел бы выдать мне её, поэтому я снова надавила на Медею и заставила «подругу», в свою очередь, надавить на гелиопольских банкиров. Они не стали прекословить своей архонтессе и «с превеликой радостью» ссудили мне залог.

А двадцать восьмого марта один из нанятых мною рабов вручил князю Марсию Милисину моё письмо. В нем я звала любимого в солнечную Илифию, молила всё забыть и начать нашу с ним жизнь с чистого листа; а заключила я письмо такими словами: «Если тебе, возлюбленный мой Марс, я не мила, если меня ты бросишь, как возгордившийся Тесей оставил Ариадну, то я, подобно Ариадне, женою бога стану, недостижимой ни тебе, ни прочим смертным!»

Я понимала, что Марса не проймет моя туманная угроза; для разъяснения её я и наняла рабов, которым верит он: эти рабы ему докажут, что я в страданиях любви неразделенной и в искупление своих ошибок намерена пожертвовать собой.

Да-а, поневоле пришлось составить драму, достойную пера Эсхила с Еврипидом!

Рабы отлично постарались: рано утром тридцатого марта, в день своего тридцатилетия, вместо того чтобы принимать поздравления, Марс примчался ко мне.

С ним, к сожалению, примчалась Медея. Выглядела она насмерть перепуганной, ещё страшнее Марса, и я могла понять её: если я уйду из жизни на вверенной ей земле, Корнелий в отместку её, Медею, превратит в ничто. Одним словом, бедняжка: неужели ей до конца жизни суждено лавировать между нами, как между Сциллой и Харибдой? «К сожалению» – потому что Медея слишком хорошо знала меня, знала мою волю к жизни, знала, что не отыщется причины, по которой я могла бы малодушно променять мир света, власти и любви на тусклое царство Прозерпины.

Поэтому я выложились вся. Они застали меня обнаженной, стоящей по пояс в студеной воде, на холодном утреннем ветру, и в ладони я сжимала капсулу граина. Не хочется рассказывать, что было дальше, ибо Эсхил и Еврипид, нужно признать, творили лучше, у них, великих трагиков, и страсти бушевали неподдельные.

Но я добилась своего: Марс был у моих ног. Такая встряска, какую я устроила ему, всегда полезна для влюбленного мужчины. Теперь уж он молил и извинялся, ноги и руки мои осыпал пылкими поцелуями, и признавался в любви ко мне, снова и снова, опять и опять. Он был на всё согласен, лишь бы не потерять меня. Медею я отправила, дав ей понять, что для неё же лучше держать язык за зубами и делать вид, что ничего не приключилось.

Его юбилей мы справили вдвоем, он и я, в нашем поместье. Теперь – в поместье Марса: я передала ему дарственную. Да, это был великокняжеский подарок – пусть знает, счастливец, на что способна женщина в любви!

Я знала, разумеется, какие будут разговоры, какие страсти закипят, и сколько репортеров одномоментно сделают карьеру. *In me cudetur faba*,³ как писал Теренций; и Марсу достанется, хотя бы за то, что сбежал с собственного юбилея, больную мать оставив, и всё ради женщины со слишком колоритной репутацией, замужней дамы, между прочим!

(Мужем у меня числится некто Юний Лонгин, отец моих детей, – напоминаю, если вы забыли.)

Но это будет после, когда наши враги придут в себя, – а в этот день и в эту ночь мы были целый мир, возлюбленный мой бог, и я, его звездоокая богиня... Венцом наших блаженств стало купание глубокой ночью, в воде температурой четырнадцать или пятнадцать градусов; обнаженные, мы резвились в этом негостеприимном царстве Посейдона, а мои новые рабы испуганно таращились на нас из всех окон огромного дворца, хотя им было велено ложиться спать. Наверное, они решили, что мы сошли с ума! Я рассудила, что распродам их по всей Ойкумене, единственно затем, чтобы весь мир узнал, свидетелями каких безумств довелось им стать!

На следующий день мы возвратились в горы Киферона. Я никогда не забуду вылупленных, как у рыбы, глаз Эстеллы Милиссины, когда она увидела нас с Марсом. В тот миг я рассмеялась и поцеловала Марса, на виду у всех, тем самым демонстрируя безраздельное торжество ума и красоты над глупой серостью... Конечно, они мне не простят этого мига – но мне ли серости бояться? Я, как никто, умею обращать возмущение толпы в её восхищение: сегодня, завтра мне будут косточки перемывать, а послезавтра я снова искупаюсь в лучах всеобщего восторга!

Вечером мне позвонил Корнелий, поздравил с «замечательной победой». У дяди правило: когда его интриги терпят неудачу, он делает довольное лицо и заявляет, мол, *hoc erat in mea votis*⁴. Поэтому мой дядя, нужно отдать ему должное, никогда не ходит в побежденных, и именно в такие моменты становится наиболее опасен. На прощание дядя заявил:

– Я использую все своё влияние, дабы приглушить возню, которая, вероятно, развернется вокруг вас, милая Софи, и моего незаслуженно счастливого шурина.

– Очень жаль, дядя, – ответила я. – Признаюсь, ваша обожаемая племянница истосковалась по нападкам плебеев-борзописцев, друзей вашего правительства. А, впрочем, навряд ли буду я читать газеты: у нас с Марсом отыщутся намного более приятные дела!

Лицо Корнелия на видеконовом мониторе дрогнуло: я попала в цель! Представляю, как буйствует в душе этот Юпитер, одной лишь мыслью заведенный, что «более приятными делами» со мною занимается не он, а Марс.

Дядя собой бы не был, если б не попытался немного отомстить мне:

– Ну что же, наслаждайтесь, покуда сей счастливец выдерживает вас. Однако знайте, дражайшая племянница, один лишь я готов всю жизнь бороться, ждать и верить – а этот ваш герой не выдержит, упустит своё счастье!

Умеет дядя мой испортить настроение...

* * *

*148-й Год Симплициссимуса (1787),
22 апреля, горы Киферона*

Пейзаж в этих местах казался сказочным, волшебным. Куда ни бросишь взгляд – повсюду горы, укрытые молочным одеялом снега. Сезонов не бывает здесь, а пасмурные дни

³ «На мне будут горох молотить» (лат.), т.е. мне сильно достанется.

⁴ «Это было одно из моих желаний» (лат.)

случаются десять или двадцать раз в году, не чаще; температура в этих горах держится в пределах от десяти градусов мороза до десяти тепла; воздух неизменно чист и свеж, живительная сила его доказана многочисленными исследованиями; помимо того, в этих горах наличествует необходимый набор целебных вод, грязей и трав. Неудивительно, что издревле, как только появились эти удивительные горы, сюда стремилась аморийская знать, здесь были основаны курорты, где можно отдохнуть, подлечиться и даже покататься по снегу на особых досках, длинных и узких, крепящихся к подошвам, – аморийцы называют такие доски «стопами Феба», ибо живет поверие, что сам Аполлон путешествовал в снежную Гиперборею именно на таких досках.

Ныне курорты Киферона открыты как для патрисов, так и для плебеев, но цены там совершенно невозможные. За один день пребывания на самом дешевом из таких курортов взимают полтора-два империала, это больше, чем зарабатывает средний чиновник или коммерсант за месяц. Поэтому завсегдатаями курортов Киферона считаются князья и магнаты, да герои ратных и трудовых баталлий, которым отдых в горах оплачивает государство.

Сейчас уже непросто вспомнить, кому из аморийских мудрецов пришла в голову идея построить в этих горах новую столицу провинции Киферея и, одновременно, финансовый и коммерческий центр Империи. Достоверно известно, что начали строительство Киферополя триста лет тому назад. Вероятно, тогдашние власти столь необычным образом пытались избавить стольную Темисию от засилья денежных мешков. А может быть, справедлива официальная версия возникновения Киферополя: тут, в горах, где сама природа благоприятствует умственной деятельности, и денежные дела идут лучше, нежели в перенасыщенной суетными страстями Темисии.

Магнаты по достоинству оценили заботу властей. Здесь, в Киферополе, владельцы крупнейших состояний устроили свои штабы, здесь расположились мозговые центры деловой активности, отсюда управляли потоками товаров, денег и идей; со временем магнаты Киферополя превратились в богатейших людей планеты и, став таковыми, влиянием сравнявшись с видными князьями, уже начинали зариться на политическую власть... Магнаты, сами плебеи по происхождению (гордые нобили, патрисы, по традиции избегали коммерческой деятельности) давали деньги другим плебеем, эти немалые деньги растворялись в предвыборных кампаниях, и «делегаты от народа», избранные в Плебсию, на самом деле были делегатами финансовой верхушки; помимо делегатов, толстосумам принадлежали практически все газеты, издающиеся в Империи. Все это знали и всех это устраивало. Бывали случаи, отдельные магнаты зарывались, и власть, по-прежнему принадлежащая патрисам, строго указывала им на место – в ответ магнаты усиливали экономическое давление на власть. Иначе говоря, между официальной столицей в Темисии и финансовой столицей в Киферополе шла неторопливая позиционная война, с её обязательными победами и поражениями, решающего смысла не имеющими, поскольку и магнаты, и имперская администрация были одинаково заинтересованы в сохранении существующего порядка.

С приходом к власти в космополисе князя Корнелия Марцеллина, лидера фракции популяров, магнаты Киферополя отпраздновали очередную победу над аристократами. Первый министр гарантировал снижение налогов и прочие финансовые послабления, о которых давно мечтали толстосумы. Однако вскоре выяснилось, что политической власти магнатам по-прежнему не видать; Корнелий, словно в насмешку над своими состоятельными союзниками, пригласил в правительство единственного плебея, да и того – на смехотворную должность директора-распорядителя департамента цирковых учреждений.

Некоторые магнаты, разочаровавшись в Корнелии, принялись обхаживать Софию, которая, как мы знаем, после своей отставки пребывала в Киферополе. Но София на политические ухаживания не отвечала, вследствие чего, с одной стороны, магнаты уверялись, что Корнелий пришел всерьез и надолго, а с другой стороны, эти же магнаты проникались всё

большим уважением к дочери Юстинов, так как становилось ясно: её расположение будет дорогого стоить.

Никто из денежных людей не верил, особенно после блестящей речи Софии в Сенате, что бывшая правительница покинула политику навсегда. Относительно причин, почему София всё же сделала это, среди магнатов не было единства; большинство считало, что это тонкий политический маневр; другие полагали, что София попросту проиграла схватку Корнелию; находились и третьи, искавшие причину в любви, – однако и первые, и вторые, и третьи равно не ведали полной истины, как не ведала полной истины сама София; нынче ей было довольно романтической страсти к Марсию и побед на поле Амура...

София и Марсий стояли на горной террасе; вдали и внизу, в красивом ущелье, лежал Киферополь; его строения, преимущественно розового цвета, – то был цвет бога-аватара Грифона, небесного покровителя провинции, и легендарной богини Афродиты-Венеры-Кифереи, в чью честь была названа провинция, – эти строения взбирались по окрестным склонам, и могло почудиться, что не денежные воротилы обитают в этой горной стране, а некий волшебный народец, эльфы или гномы, известные по северным сказаниям.

За спинами Марсия и Софии вверх поднималось другое строение. Было оно не то вырублено в скале, не то сложено из гигантских монолитов песчаника; над входом большими золотыми буквами сверкала надпись: «Имперский центр рекреации и реабилитации». Ниже этой большой надписи располагались таблички поменьше – они разъясняли, какие именно лечебные заведения находятся в Центре. У главного входа стояла беломраморная статуя Асклепия-Эскулапа, легендарного бога врачевания, а над входом висел большой портрет кесаревны Виктории Даласины, дочери Виктора V, которая считалась патронессой этого крупнейшего в Ойкумене медицинского учреждения.

Рядом, на другой террасе, Софию и Марсия ждал экипаж, готовый отвезти их на виллу Милиссинов, или в город, или куда они ещё укажут. Возница ждал долго; София и Марсий, выйдя из здания, как будто не собирались уезжать. Сначала темой разговора было здоровье Клеменции, которая только что благословила их любовь, затем обсуждали планы: София звала Марсия в Илифию, на благодатный берег океана, а Марсий отвечал, что да, поедет, но не сейчас, когда он нужен больной матери... София не говорила ему, сколь утомил её «отдых в горах»; не привыкшая к беззаботной жизни, она тяготилась однообразными, надуманными развлечениями, а ещё более – навязчивым вниманием со стороны окружающих, вернее, не самим вниманием, каковое она воспринимала как должное, а тем, что вынуждена своим бездействием обманывать надежды окружающих. Что же до Марсия, то он доволен был всецело и вдвойне. Во-первых, мама поправлялась, а во-вторых, любимая всегда была рядом: что ещё нужно для счастья?

Смеркалось; они стояли на террасе и смотрели, как гигантская воздушная сигара, выползшая из-за склона горы, медленно плывет по небу. Вот она опустилась, пролетела мимо них и поплыла дальше, в сторону киферопольского аэропорта.

– Это не рейсовая аэросфера, – уверенно заявил Марсий, – хотя я вижу на гондоле стяг с Грифоном.

– Верно, – кивнула София, – ибо аватар Грифон покровительствует также одному нашему родственнику: ты разве забыл?

Марсий нахмурился.

– Зачем Корнелию прилетать в Киферополь? Он первый министр, любого может вызвать к себе в Темисию!

– У меня такое ощущение, что мы это скоро узнаем, – ответила София.

Только она успела сказать эти слова, на террасу въехала большая карета, открылась дверца, и из кареты появился человек в калазирисе магистра; он был личным референтом наместника Кифереи.

– Надо же, как скоро, – озабоченно прошептала София.

Референт наместника сразу направился к ним. Отдав честь сначала ей, затем Марсию, сказал:

– Его превосходительство проконсул Домиций Беотин, архонт Кифереи, приглашает вас, ваша светлость, и вас, ваше сиятельство, на ужин во дворец архонта.

– У нас другие планы на вечер, магистр, – сказала София. – Прошу вас передать архонту наши сожаления. Ещё передайте, что ему следовало приглашать нас по крайней мере за день до ужина, а не за час.

– От имени его превосходительства приношу вашей светлости самые глубокие извинения, – смущенно проговорил референт наместника, – и вынужден настойчиво просить вас принять приглашение его превосходительства; это весьма и весьма важно.

София надменно усмехнулась и произнесла:

– Я нахожу, что вы настойчивы не в меру, магистр!

– Прекрати его мучить, – прошептал ей на ухо Марсий. – Это всего лишь мелкий служака. Разве тебе самой не хочется поскорее узнать, зачем мы понадобились Корнелию? Я не припомню случая, чтобы он жаждал видеть нас обоих в одно и то же время!

Затем он решительно взял Софию под руку, и вскоре посланная за ними карета пока- тилась в город.

* * *

*148-й Год Симплициссимуса (1787),
вечер 22 апреля, Киферополь, дворец архонта*

Несмотря на поздний час, резиденция наместника напоминала растревоженный улей: мимо проносились слуги и курьеры, бегали чиновники, стражи, казалось, было втрое больше, чем обычно, наконец, у главного подъезда резиденции собирались богатые экипажи. Неопытному зрителю могло почудиться, что в самом деле намечается важный прием, а то и бал патрисианской знати, – однако опытный заметит, что ни на одном из экипажей нет патрисианского герба, что из карет выходят не гордые господа в роскошных калазирисах, с женами и прислугой, а люди в длинных плащах, и женщин среди этих людей немного, и женщины одеты так же, как мужчины; разглядев всё это, опытный наблюдатель заключит, что не патрисы-нобили, а плебеи, вернее, плебеи-магнаты, зачем-то собираются во дворце архонта.

Как только карета с Софией и Марсием подъехала, дворцовые слуги и милисы оттес- нили магнатов в стороны, чтобы открыть свободную дорогу «высokородным». Магнаты, привыкшие к такому обхождению, покорно очистили путь, а когда княгиня София и князь Марсий вышли, огласили воздух приветственными криками. Марсий, у которого великокня- жеская спесь была второй натурой, лишь сухо кивнул простолюдинам и проследовал мимо. София же, напротив, успела красиво улыбнуться, тем самым поздоровавшись со всеми маг- натами сразу и с каждым в отдельности; она так поступила не столько потому, что эти важ- ные люди могли ей пригодиться в будущем, сколько по привычке искусственного политика.

Как и подозревала София, приглашение на ужин было не более чем предлогом. Дво- рецкий провел их в личный кабинет архонта.

Проконсул Домиций Беотин приветствовал Софию и Марсия у дверей. А в кресле наместника Кифереи сидел другой человек, его лицо было закрыто газетой, которую этот человек читал. Или делал вид, что читает.

– Добрый вечер, дядя, – сказала, войдя, София.

– Вас не проведешь, дражайшая племянница, – усмехнулся Корнелий, откладывая газету.

Кивком головы он дал понять архонту, что желает остаться наедине с гостями.

София с видимым разочарованием проводила глазами Беотина и произнесла:

– Нам обещали ужин!

– После, после, – поморщился Корнелий.

Выглядел он уставшим, даже изможденным. И София, и Марсий знали об умении Корнелия владеть собой, стойко преодолевать превратности судьбы, а все переживания удерживать в себе. Но темные круги под глазами и бледные губы вступали в резкий контраст с великолепным консульским одеянием, идеально сидящем на стройной фигуре нового правителя Империи.

Корнелий вышел из-за стола, галантно поцеловал кисть Софии и пожал руку Марсию.

Они ждали объяснений.

– Официальная цель моего визита в Киферополь – подготовка к приему Божественного Виктора: наш бог и повелитель намерен отдохнуть в горах предстоящей осенью, со всей семьей, – произнес Корнелий.

София и Марсий переглянулись: ещё не кончилась весна, и готовить прием Фортунатов мог бы любой ответственный чиновник правительства!

– Я также приму участие в совещании по вопросам торговли.

– Мы это поняли, – заметил Марсий, – равно как и то, что ты мог провести совещание по видикону, не покидая свой кабинет в Квиринале.

Корнелий испытующе посмотрел на него и сказал:

– Ты прав, шурин. На самом деле я приехал исключительно затем, чтобы прояснить один вопрос, и только вы способны мне помочь.

Корнелий жестом пригласил обоих к столу, а сам вернулся в кресло архонта. София послала Марсию тревожный взгляд: будь настороже!

– Вчера я получил окончательные результаты расследования событий третьего декабря... – начал Корнелий.

Марсий побледнел. Тот день он помнил слишком хорошо. Это был день, когда мятежник Варг, взяв в заложницы свою жену, дочь Корнелия и племянницу Марсия Доротею, сумел бежать с крейсера «Мафдет», где находился в заключении.

– Тебе не о чем беспокоиться, шурин, – сказал Корнелий, – равно как и вам, племянница. Виновные уже наказаны, и вас двоих среди виновных нет.

Выразительный взгляд Корнелия объяснил им, что он-то, сам Корнелий, прекрасно осведомлен о степени их участия в том злополучном деле.

– Благодарю! – сказал Марсий. – Ты поступил, как настоящий друг... хотя ты в дружбе нам не клялся.

София промолчала; пароксизмы благородства, время от времени проявлявшиеся у дяди, смущали её, им не всегда находилось разумное объяснение.

– Забудьте ненадолго о следствии и вспомните, какова была причина.

– Под «причиной» ты подразумеваешь падение аэросферы на корабль?

– Именно. Как вам известно, эта аэросфера должна была забрать тебя в Темисию. Но, подлетев к крейсеру, она внезапно рухнула вниз, и не куда-нибудь, а на башню эфиритового излучателя, и не когда-нибудь, а в момент, когда на излучателе проводились режимные испытания. Вследствие этого произошел взрыв, из взрыва родился пожар, и в суматохе Варгу удалось бежать. Я с самого начала не верил в случайные совпадения!

Корнелий замолчал.

– Что говорят эксперты? – спросила София.

– Их заключение подтверждает мои догадки. Неполет на аэросфере не было. Катастрофа стала следствием непостижимых ошибок первого пилота. Словно этот человек умышленно столкнул между собой воздушный и морской корабль, словно он знал заранее, где нужно упасть аэросфере, чтобы вызвать наибольшие разрушения и наибольшее смятение на крейсере...

Софию пронзила дрожь. Она внезапно поняла, на что, вернее, на кого, намекает Корнелий. Он внимательно смотрел на нее, словно надеялся забраться в душу и лично отыскать ответ. Его слова, тяжелые, как раскаты грома, обрушились на её мозг:

– Первый пилот, виновник катастрофы, погиб, его помощник, оправившись от ран, не может вспомнить ничего. В заключении экспертов причиной катастрофы названо внезапное изменение погодных условий. Этот вздор я их заставил написать, чтобы закрыть дело. Но мы-то с вами знаем, какое объяснение смотрится наиболее разумным.

– Дядя... – стараясь унять дрожь, промолвила София, – я умоляю вас поверить мне: то, о чем вы подумали, совершенно невозможно!

– Говорите открытым текстом, – сурово произнес Корнелий. – Мне доподлинно известно, что ваш любовник знал и знает, о ком идет речь. Воспринимайте нашу беседу как очную ставку, если вам так угодно. Дело слишком серьезно, чтобы таить истину!

– Не стоит пугать нас, дядя. Мы понимаем сами. И я повторяю: ваши опасения беспочвенны, – София выразительно обвела взглядом кабинет.

– Верные мне люди обследовали палату, – заявил Корнелий. – Никто нас не подслушивает, успокойтесь... на этот счет! Мне самому не хочется, чтобы о нашей общей тайне узнал кто-то ещё.

София приложила руки к груди и молвила:

– Клянусь вам кровью Фортуната, дядя, наша тайна канула в Лету вместе с проклятыми злодеями!

– Я подтверждаю все слова Софии, – сказал Марсий. – Я видел своими глазами, как злодеев заморозили, а потом сожгли. Они мертвы, в этом не может быть сомнений!

На губах Корнелия проскользнула горькая усмешка. Он медленно покачал головой и произнес:

– Тайны с людьми не умирают... Тайны становятся проклятием для тех, кто поступил цинично, глупо и самонадеянно. Вот мы сидим и рассуждаем, мы, в сущности, сами преступники: мы взяли на себя дерзость играть с нечистой силой, а нынче... нынче боимся даже назвать их имена! А говорите, тайна умерла... *Operta quae feure, aperta sunt!*⁵

– Дядя, прошлого не вернешь, но что же делать нам теперь? Могу ли я заставить вас поверить, что еретики мертвы? – чуть не взмолилась София.

– Я вам поверю, дорогая. Иначе страшно вообразить, какие бедствия нас могут ждать. Я о другом хочу сказать... Как вы могли, София? Став первым министром, я получил доступ к сверхсекретным документам касательно этих злодеев, Марка и Януса. Меня бросило в дрожь! Как вы могли, София, с ними столько нянчиться? Всё это следствие, процесс, затем позорный столб! Вы играли фарс, вы зарабатывали политические очки! Вы, что, не понимали, сколь они опасны, эти исчадия Хаоса? Злодеев нужно было сразу растерзать, как только их поймали!

– Их было только двое, – промолвила в ответ София, – они были патрисами, известными людьми. Патрисов невозможно просто «растерзать», сперва необходимо доказать вину...

⁵ «Что было тайным, стало явным» (лат.)

– Нет, они не были патрисами, – с расстановкой произнес Корнелий, – они вообще уже не были людьми! Вы совершили страшную ошибку, не убив их сразу. Я чувствую, нам долго ещё предстоит расплачиваться. Одним бы только нам, мы это заслужили!

Тут Марсий грянул кулаком по столу и воскликнул:

– Зачем ты рану бередишь? Разве не видишь, как она сама страдает, помимо твоих злых попреков? Если б кто знал, как дело повернётся. А всё проклятый варвар, который их освободил! Клянусь, он от расплаты не уйдет! Я сам...

– Прошу вас, дядя, – быстро сказала София, – давайте завершать этот гнетущий разговор. Вы получили, что хотели: я вас заверила, и Марсий подтвердил: злодеев больше нет! Мы можем удалиться? Я голодна...

– Потерпите, – сумрачно молвил Корнелий и, обращаясь к Марсию, добавил: – Оставь нас ненадолго, шурин.

– И не подумай! Что ты намерен сделать с ней?

– Странные вы люди, – вздохнул Корнелий. – Вам кажется, что я с вами играю. Увы! Хотел бы поиграть – грехи мешают, ваши и мои... Оставь нас, Марсий. Иначе тебя выведут под руки.

Марсий побагровел, и София увидела, как его кисти сжались в кулаки.

– Прошу тебя, выйди! Он не причинит мне зла.

Когда Марсий их покинул, она сказала:

– Вы злоупотребляете вашей властью, дядя.

– Кто бы говорил! – усмехнулся Корнелий и вдруг сказал: – Минувшей ночью я побывал в Мемноне, в Храме Фатума.

Это известие столь изумило София, что она застыла, забыв обо всем.

– В Храме Фатума?

– Да. Там я получил подтверждение своей догадки, что вы, бесценная моя, замаскированный ментат. Иначе говоря, волшебница таится под маской дипломата и политика!

– О, нет!.. – простила София. – Это ложь, тысячу раз ложь!

– Ладно, забудем. Я вас не выдам, дорогая, ведь я люблю вас! Что стоит моя жизнь без этой любви? Мой вам совет: будьте предельно осторожны, а лучше не используйте свой обоюдоострый дар. Кроме меня, о вашем даре могут дознаться и другие; я не уверен, что они станут держать язык за зубами – врагов у вас не счесть! Я был в Мемноне по другому поводу. Надеюсь узнать побольше об Ульпинах. Спросить у самих риши, ведь риши знают всё... – Корнелий издал тягостный вздох и сумрачно промолвил: – Риши не приняли меня, София. Меня, первого министра Империи, самого могущественного человека Ойкумены! Как вы думаете, что это может значить?

«Это может значить, что они желают оставить нас, зазнавшихся смертных, с нашими мирскими проблемами и посмотреть, как мы управимся без указаний свыше», – подумала София, но вслух ничего не сказала.

– Вы молчите? Я не мог уехать из Мемнона ни с чем. Мне удалось преодолеть свой страх и добиться встречи с одним из членов синклита. Его имя...

– Постойте, дядя! Или вы не знаете, что имена высочайших посвящённых запрещается писать и произносить под страхом ужасной смерти? Нужно ли вам объяснять, что служители Фатума, если захотят, услышат вас и здесь? Скажите лучше, что он вам ответил.

– «Еретики живы постольку, поскольку вы страшитесь их», – таков был мне ответ; я больше ничего не смог добиться. Из Мемнона сразу отправился к вам. У меня сложилось впечатление, София, что мудрецы-затворники из Храма Фатума играют с нами в какую-то неясную игру. И сами же диктуют правила. Я не могу понять, зачем!

«Затем, чтобы подвергнуть Державу Фортуната испытаниям и так проверить её крепость», – подумала София, но опять ничего не сказала. Она не была уверена, что дядя готов узнать правду и что она вправе выдать эту жестокую правду именно ему.

– Напрасно вы закрылись от меня, София, – негромко вымолвил Корнелий. – Неужели вы не видите, что я ваш друг, *verus amicus*,⁶ что цели у нас общие, хотите вы того или не хотите?

– Я поняла вас, дядя. Могу теперь идти? Я вправду голодна.

– Идите, – разочарованно бросил он. – Нет, подождите! Я приглашаю вас вернуться в Квиринал.

София не смогла сдержать улыбки.

– Вы невозможны, дядя! Я же сказала вам, что не желаю быть министром вашего правительства.

Он поднялся с кресла.

– Вы могли передумать, дорогая.

– Я не передумала. Мне хорошо здесь, с Марсом.

Она сказала это и тут же пожалела: проницательный Корнелий послал ей понимающе-сочувственную улыбку и заметил:

– Вижу, как вам хорошо. Вы и лицом другая стали. Но душу не обманешь, милая Софи, – вы слишком яркая фигура для этой провинциальной суеты! Вы даже для столицы слишком яркая фигура, однако же столица к вам привыкла, и отвыкать никак не хочет! Представить Афродиту, Геру и Афину, в одном прекраснейшем создании дарованную нам богами, вне нашего Олимпа – да ни за что и никогда! Вы рождены блистать, вы созданы красавицам на зависть, на радость благородным кавалерам; мы все готовы возмущаться вашими фривольными нарядами, мы на словах пеняем вам за дерзость, мы тщетно размышляем, как бы заставить это чудо играть по нашим правилам, – но горе нам, оставшимся без вас! Уехали вы из столицы – и кажется, что потускнел наш мир! Теперь я понимаю греков, отважившихся напасть на могучую Трою ради одной Елены; о, если бы вместо Елены были вы, горячие данайцы ради вас снесли бы свой Олимп, со всеми олимпийскими богами! А вы, на что вы променяли великую столицу, лежавшую у ваших ног? Неужели мертвый блеск льдов Киферона сравнится с сиянием ваших глаз? Я не поверю, что вам нравится царить среди плебеев-толстосумов, среди слепцов, которым красота монет и ассигнаций милее красоты телес и мыслей. Эти ничтожные людишки, я полагаю, суетятся вокруг вас, строят свои смешные планы, на случай, когда вы ухитритесь прогнать меня из Квиринала. Мне их жаль! Слепцы глядят, не видят счастья – они не видят вас! Прошу, София, возвращайтесь, верните жизнь в наши сердца. И если вам не жаль высокородных, подумайте хотя бы о простом народе. Клянусь вам, третьего дня один не самый худший репортер заметил мне: «Когда эта женщина в городе, тираж моей газеты возрастает в три-четыре раза».

– Ах вы, плут! – рассмеялась София. – А не боитесь вы, что я, вернувшись в космополис, сразу же начну сражаться с вами?

– Это моя заветная мечта, – проникновенно вымолвил Корнелий. – Вы сами посудите: избранные народа у меня в руках, Сенат всецело за моё правительство, чиновный люд мечтает угадать мои желания... я изнываю без борьбы, теряю форму: вы разве не заметили, как скверно я смотрюсь? Если бы знал, сколь власть ужасна, я ни за что бы сам её не домогался.

– Дядя, вы самый искусный совратитель из всех, кого я знаю. Вы без труда уговорили бы весталку. Но не меня! Вашу заботу я ценю – и вы меня поймите. Я влюблена, и мне любовь важнее власти.

– Вы дарите свою любовь тому, кто вас не стоит.

⁶ «Истинный друг» (лат.)

– Довольно! Ваш труд напрасен, вам не разбить нашу любовь, и не пытайтесь даже! А попытаетесь – я страшно отомщу вам, дядя!

Корнелий пожал плечами.

– Мне незачем пытаться, дорогая. Глупец, кто жаждет лед взломать словами: придет весна, и лед растает сам. Я давно понял, что ваш обманчивый союз никто разбить не властен; вы сделаете это сами, вы и Марсий. Вы слишком разные, как астроном и звезды. Любому астроному кажется, он видит беспредельный Космос – на самом деле звезды лишь светят ему, влекут в глубины мироздания, туда, где астроном не властен побывать; самый великий астроном не в силах глазом разгадать Вселенную! Равно и Марсий: он любит крохотную часть того манящего создания, которое зоветесь вы, он не желает видеть ничего иного, его взор беден, он не в состоянии полюбить вас всю, не только красоту и страстность, но также ум, коварство, тягу к славе, влечение к игре и чувство долга... вся ваша личность попросту не может уместиться у него в сознании! Придет один печальный миг, он в вас откроет нечто, на что упрямо закрывал глаза, – и ужаснется неудержимым страхом ловца жемчуга, который опустил в неведомую глубину, нашел диковинку и вот не знает, как охватить её руками, как вытащить на свет, не захлебнувшись. Я больше вам скажу, София: когда он вас увидит, правда убьёт его. Молю богов, чтобы в миг его прозрения вы не оказались рядом!

– Я не хочу вас слушать! – воскликнула она и бросилась к двери; Корнелий не удерживал её, а лишь смотрел ей вслед; она сама остановилась, словно терзаясь размышлением.

– Ну, отчего вы молчите? – услышала она. – Я знаю, что вас гложет. Вам робость не к лицу, отвагой равная Афине, так спрашивайте же!

София задрожала, и мысль возникла у нее: а может, дядя сам замаскированный ментат, ведь он читает её мысли!

Она медленно обернулась и, пряча взгляд, произнесла:

– Три месяца, как из нарбоннского удела ушли войска Империи...

– И вас интересует, почему никто о нем не вспоминает, – закончил Корнелий. – А зачем? Вы думаете, я стану направлять легионеров, чтобы их сапогами втоптать в землю свободу вашего любимца Варга?

– Он не мой любимец, – быстро произнесла она.

– Ваш, знаю, ваш! Вы полагаете его достойным править. Ну, что ж... Пусть наслаждается мифической свободой! Зачем мне посылать войска? И без того нарбоннские дела всем надоели. Неясно даже, кто там правит: эдиктом императора герцогиней утверждена Кримхильда, рескриптом Консистерии – малютка Свенельд, мой внук, а Дора, моя дочь, до сих пор числится регентшей; и в это время сам мятежник Варг называет себя правящим герцогом. Вот какой «гордиев узел» проблем вы мне оставили, София! Но я не жажду развязать его – и рубить пока не стану. Я подожду, пока ваш бунтовщик не приползет ко мне с мольбой: «Дай хлеба, господин», – в этот миг я раздавлю его, как комара, и не останется воспоминаний! Его судьба послужит назиданием всем прочим бунтарям!

Смешанное чувство страха и радости захватило Софию. Страх был за Варга, благородного сына благородного отца, умного и достойного воина, которому злая судьба назначила родиться варваром, а не, к примеру, князем в Амории. Страх потому, что дядя не привык бросать слова на ветер. А радость родилась, поскольку дядя, очевидно, недооценивает Варга. «Он выдержит, я знаю, я надеюсь; не знаю, как, но выдержит, спасется!»

О том, что Варг может спасти и удержать свободу своей родины, она не размышляла: такое было совершенно невозможно.

– Вы, впрочем, можете на это повлиять, – добавил Корнелий, – если займетесь снова внешними делами.

«Это ловушка, – подумала София. – Дядя хочет таким образом приблизить меня к себе! Чтобы помочь Варгу на деле, нужно быть первым министром, никак не ниже. А этот пост

у дяди, и дядя не отдаст его... вернее, он отдаст, но спросит цену, которую я не готова заплатить»

– Вы заблуждаетесь, дядя, – сказала она. – Дела Нарбоннии меня не беспокоят вовсе. Я знаю, вы в них разберётесь, со свойственной вам мудростью. Что я в действительности жажду, так это счастья в любви.

– И вы его достойны, – кивнул он. – Как жаль, дражайшая, что к счастью своему вы вечно избираете самый петлистый путь!

София, не сдержавшись, бросилась из кабинета. Ей казалось, что ещё одна минута общения с Корнелием, и жизнь будет испорчена раз и навсегда.

– Потом вам будет стыдно за это бегство от самой себя! – выкрикнул вдогонку ей Корнелий, но она уже не могла слышать его.

Марсий принял её в свои объятия.

– Что этот демон говорил тебе, любимая?

– Ничего... ничего нового! – отвечала на его груди София, тщетно пытаясь унять слезы.

Глава сорок восьмая, в которой снова происходят подозрительные чудеса

Из «Походных записок» рыцаря Ромуальда

Последние три месяца мой светлый герцог не в себе. А началось это в тот день, когда убрались амореи. В тот день, когда шел чистый снег и в небе появился Вотан.

Мой государь давно не верил в Вотана, да и в иных богов не верил. «Богов творят лукавые жрецы, чтобы морочить честный люд», – заявил мне герцог ещё прошлым летом. Вот и теперь ему казалось, морок сотворили проклятые Ульпины.

Сказать по правде, сперва я тоже думал, что они вернулись. На следующий день мы с герцогом обследовали их прежнее жилище в пещере Гнипахеллир.

Его мы не узнали, а если быть совсем уж честным, то даже не смогли туда пройти. Как видно, амореи, завладев Ульпинами, поспешили извести все их следы. А сделав это, для верности взорвали несколько ходов и залов, включая и чертог, который Марк Ульпин называл своей «лабораторией». Мы не нашли следов – как будто эти колдуны всего лишь нам приснились!

– Ты погоди, Ромуальд, со дня на день они опять напомнят о себе. Я знаю, Марк и Януарий живы! – сказал мне тогда герцог.

Но дни текли, а колдуны не объявлялись. Мы ждали чудес, знамений, вещих снов – но ничего этого не было. Если вы помните, прежде мудрые сны видела Доротея, но и ей не снилось больше ничего.

Со временем мой государь сделался несносен. Он всякий день бродил по лесу, по пещерам, брал меня с собой, всё что-то изучал, высматривал, как будто куст какой-то или камень мог заявить ему присутствие Ульпинов. Он ничего не находил, и в такие часы злоба, какую я не видел прежде, поглощала его; герцог грозил этим невидимым Ульпинам, проклинал и их, и амореев, и себя, за дурость, что связался с ними; разговаривал как будто сам с собой, а больше сетовал, что вероломные Ульпины нарочно мучают его, доводят до отчаяния, дабы потом явиться и прибрать к рукам.

Не знаю, кто уж его мучил, но знаю точно, он мучил нас, и хуже всего приходилось бедной Доротее. Свою красавицу жену, мать его сына, которая ради него пожертвовала родиной и сладкой аморейской жизнью, он стал подозревать в потворстве колдунам, в сговоре с ними. Как прежде подозревал, будто Доротея шпионит против него в пользу отца, Корнелия Марцеллина. Несчастливая молила ей поверить, клялась, что невиновна... но большее, чему поверил государь, так это заключению, что Доротея не по доброй воле потворствует Ульпинам.

– Проклятые еретики используют её, – сказал мне герцог, – а Доротея этого сама не видит или не хочет видеть!

Герцог стал злой, свирепый, как хримтурс. Малейшую провинность он наказывал; если в былые времена не находилось рыцаря, который бы не обожал его, то нынче государь точно задался целью убить эту любовь, – одним лишь страхом правил!

Однажды я не выдержал и заявил ему, на правах друга:

– Напрасно ты пытаешься найти следы Ульпинов: в тебе самом злодеи наследили. Их уже нет, а ты себя ведешь, как будто демоны тобою водят!

Мой государь разгневался тогда, вкатил мне оплеуху, точно не рыцарь перед ним стоял, а грязный смерд. Я не стерпел такое, мы подрались. И странно, драка со мной, с преданным другом, как будто вернула ему разум.

Он понемногу начал приходить в себя. Тем более, что прав безумствовать у государя не было: мы все нуждались в нём. Он был вождем свободного народа, он возглавлял борьбу с имперскими войсками, он победил, изгнал захватчиков – теперь он был обязан нами управлять!

Наша страна была разорена. Сто тысяч галлов амореи истребили, ещё сто тысяч увели в рабство; всего у герцога осталось полмиллиона подданных, и все хотели есть, работать, жить. Нам нужно было восстанавливать хозяйство; зиму мы пережили кое-как, но шла весна, поля были не убраны, зерна не доставало и на прокорм, и на посев, – и каждый понимал, что, если не засеём, то урожай не соберем, и в следующую зиму будем голодать.

Казна была пуста, и герцогу пришлось залезть в карман к своим подданным. Верные ему ратники проносились по городам и замкам, выколачивая налоги, точно дань. Платить приходилось людям, которые душой поддерживали государя в его борьбе с захватчиками. Однажды я услышал, как некий горожанин в сердцах ответил герцогу: «Мы верили тебе, а ты похуже вор, чем амореи: они последний хлеб не отбирали».

Отдельные бароны с волей государя не смирились, решили утаить добро, а когда люди герцога забрали добро силой, задумали уйти от нас, то есть, отложиться. Это уже была измена, и герцог покарал её с таким свирепством, какое ужаснуло даже мастеров заплочных дел. Замки мятежников он разорил, а самих ослушников велел привязать веревками к коням и так тащить, пока весь дух из них не выйдет. С тех пор никто не бунтовал.

Однако главная опасность таилась там же, где всегда, – у амореев. Мы-то надеялись, что их первым министром станет Юстина, которая не раз щадила прежде нашего герцога. Когда пришло известие, что власть в Империи отныне отправляет Марцеллин, мы стали готовиться к худшему. Но у нас не было армии, с которой можно амореям противостоять.

– Если они высадятся снова, мы даже не сумеем дать им генеральное сражение, – не раз говорил мне герцог. – Легионеры будут гнать нас, как собаки лис, мы будем только огрызаться, и снова придёт день, когда собаки нас загонят, загрызут, а наши головы пошлют хозяевам.

Но время шло – никто не нападал на нас. И герцог понял, что за это нам следует благодарить самих врагов, сказать точнее, их политические дрызги. Очевидно, рассудил он, у первого министра Марцеллина нет возможности начать ещё одну войну, видать, некрепко он сидит в своем дворце!

Стало быть, нам выдалась новая передышка. В том, что амореи рано или поздно попробуют вернуть нас под своё имперское ярмо, герцог не сомневался ни секунды. Поэтому об армии была его первая забота. Он разослал верных людей в те части света, где меньше опасались амореев, – на острова эгейского архипелага, в Верингию и Каледонию, к склави-нам и степным кочевникам. Ему нужны были сильные вои, но не такие, которые сражаются единственно ради звонкой монеты и мать свою готовы обменять на аморейские оболы. Само собой, бесплатно с амореями мало кто станет драться; осознавая это, мой государь опустошал запасы предков: всё золото и серебро, что оставалось, он направлял в оплату новых воев, а также на закупку снаряжения и провианта.

Тут тоже приходилось действовать умело, скрытно: купцы с иных земель к нам ехать опасались, а наших всюду притесняли, никто не продавал им ничего и ничего у них не покупал. Было яснее ясного, никак не обошлось без амореев! Известно, царствуют они в торговле, словно боги в Вальхалльле! Нам приходилось заводить дела исподтишка, через третьих лиц. На этом мы много теряли, на наших бедах наживались лихоимцы, но выбора у нас не было. Мы продавали дорогие вещи предков, взамен же получали шанс.

Особенно нам помогли эгейские пираты. Люди это странные, на мой взгляд. Начать с того, что многие среди пиратов были амореи, отверженные, как Ульпины, но, к счастью, вовсе не кудесники. Ещё среди пиратов обретался всякий сброд, будто со всех краев

огромной Ойкумены; встречались там привычные нам греки, великие искусники морского ремесла, но были также удивительные люди с косым разрезом глаз, умеющие драться пальцами, точно ножами, и лазать по деревьям, как коты; ещё среди пиратов были черномазые, похожие на лестригонов-людоедов, и карлики, жующие траву, наконец, встречались там светловолосые гиганты, имеющие наглость утверждать, что мы, гордые галлы, от них произошли!

Эгейские пираты амореев опасались, поскольку против их военных кораблей пиратские посудины все равно что мужик с вилами против тяжеловооруженного рыцаря. Несмотря на своё подавляющее превосходство, амореи отчего-то позволяли пиратам жить и лиходействовать против аморейских же негоциантов. Изредка Империя устраивала показательные рейды на острова архипелага, но никогда разбойников не добивала. Как видно, тут опять политика замешана.

Из-за нее, политики, пираты трусили открыто с нами торговать. Сам был свидетелем, как разбойничий посланец говорил моему государю: «Мы за тебя, отважный герцог, обеими руками за тебя, мы ненавидим наглых амореев, мы будем помогать тебе – но горе нам, если об этом кто в Темисии прознает! Ты сам пока не представляешь, насколько длинные у амореев руки, от них не скроешься, разве что в морских волнах или в сырой земле».

Эта загадка, между прочим, также изнуряла герцога. Он понимал и без объяснений пирата, что амореи, если захотят, его везде достанут. Границу нашу никто не охранял, да и по морю убийцам труда не составляет к нам проникнуть.

– Стало быть, нет у них такого приказа, убивать меня, – размышлял герцог. – Амореи, нужно отдать им должное, ничего не делают без приказа. О, если бы у нас, у галлов, была бы такая дисциплина, мы не тряслись бы нынче за свою свободу!

Со временем мой юный государь разобрался, почему события текут именно так, а не иначе:

– Лукавый Марцеллин не шевелит и пальцем, чтобы меня добить. Видать, надеется, что сам я приползу, взмолюсь о милости. Ну, нет, такому не бывать, он не дожидается: не для того мы проливали кровь, чтобы снова ползать на коленях!

Я понимал, насколько прав мой герцог, и восхищался его душевной силой. Пока внезапно боги не обрушили на нас опровержение его словам и чудо, которое совсем не ждали мы...

* * *

*148-й Год Симплициссимуса (1787),
22 апреля, Галлия, Нарбоннский лес*

Кабан был здоровенный, точно бык. Не доводилось мне такого видеть – и этого, сказать по правде, как следует не разглядел, так быстро всё случилось. Он смял трех государевых собак, как будто это были жалкие щенки. Даже мы, дружинники герцога, рыцари не робкого десятка, порядком стушевались, когда это чудовищная тварь вдруг ринулась на нас. Один лишь государь ничуть не испугался – недрогнувшей рукой послал он боевую пику в спину зверя. Но вепрь был быстр, и государево оружие лишь поцарапало его.

Это был вызов. Герцог вспыхнул, его глаза обратились к стягу, где на кровавом фоне ярился черный вепрь, и государь воскликнул:

– Вот верный способ уяснить, который вепрь из нас сильнее: он или я!

Герцог взнуздal коня и бросил его вслед кабану. Мы неловко переглянулись: яснее ясного, не успокоится наш герцог, пока не одолеет зверя. Недолго думая, мы ринулись за ним. Но в тот же миг наш государь, не обернувшись даже, нам прокричал:

– Все возвращаются в столицу! Это моя война со зверем: его убью или погибну сам!

«Герцог безумен», – прочитал я во взглядах соратников. Не вольные послушаться приказа, они остановили скакунов. «Мы обязательно вернемся», – послал я им ответный взгляд и поспешил за государем. Я первый друг его, наперсник с детства, я не могу его оставить, и сами боги Асгарда не могут дать ему власти прогнать меня, рыцаря Ромуальда!

Мы неслись по лесу, точно ночные духи, преследующие заплутавших смертных. Кабана я не видел, но шум деревьев где-то впереди свидетельствовал: мы идем по следу. Герцог летел, меня не замечая, все мысли его, видно, поглощала бешеная погоня.

Не знаю, сколько это длилось. Ветки бросались на меня, царапали лицо, коня трясло в безумной скачке, а впереди я видел только спину государя. Мы были уже очень далеко от Нарбонны. Лес казался бесконечным, но я знал его и боялся не леса. Я мчался вслед за герцогом и представлял чудовищного кабана. Чем дальше, тем больше понимал я: непростой то зверь! Похоже, чудовище нарочно привлекает герцога в чащобу, чтобы погубить. А он, словно не герцог вовсе, а мальчишка, презрел свои обязанности перед государством и погнался за зверем! Какое тут геройство?

Я попытался его остановить. Крикнул ему, что думаю об этой безрассудной гонке. Но государь лишь рассмеялся и обозвал меня обидными словами. Нет, я не трус! Сцепив от злости и досады зубы, я вынужден был мчаться за безумцем. Но даже я не представлял, какие испытания нас ждут.

Мы выехали на огромную поляну. Я наконец увидел кабана, и у меня под ложечкой заныло. У этого дьявольского существа был хобот! Конечно, не такой, как у слона, но хобот был!

Кабан развернулся на поляне – видно, надоело зверю убегать – и ринулся навстречу государю. Конь герцога встал на дыбы, затрясся в страхе... В тот миг, как будто, у меня остановилось сердце. Я видел, как мой государь соскакивает с лошади, и миг спустя она становится добычей кабана. Его клыки впиваются в круп и терзают верное животное. Кабан, безмозглая скотина, не понимает, что не лошадь его главный враг. Тем временем мой герцог, обнажив двуручный меч, подскакивает сзади и поражает зверя!

Но – ужас! – эта жуткая скотина не желает умирать, как подобает живым тварям. Залитый кровью, вепрь бросается на государя. Герцог не успевает вздеть меч. Чудовищный кабан сминает и меч, и человека. Мне жутко видеть это, я уже подле них, и верный меч в моей руке... но как помочь Варгу, не поразив его вместо кабана?

Внезапно туша, терзавшая моего друга, вздрогнула и завалилась набок. А из-под туши показался он – все кожаные герцогские одежды были изорваны в клочья, он был багров от крови, своей и этой твари, и наконец, он улыбался... гримасой демона из черного ночного страха!

В груди чудовищного кабана торчал кинжал.

– Я победил его, Ром, поразил прямо в сердце, – просто сказал герцог. – Из нас двоих сильнее оказался я.

Ну, что я мог ему сказать теперь, ему, назвавшему меня, как в детстве называл?

– Прости, я не успел тебе помочь, – прошептал я.

– Напротив, – усмехнулся он, – я знал, что ты со мною, рядом. И как же мог я оплошать? У друга на глазах? Что б ты тогда подумал обо мне? Нет, ты помог мне, Ром, не спорь, пустое дело спорить!

Да, это точно. Герцога можно убедить, когда он жаждет выслушать тебя. Но если он в чем-то уверен, как в самом себе, пустое дело прекословить. Таков мой государь, герой, убивший дьявольского зверя!

Мы не успели осмотреть добычу. Вдруг раздался свист, и я увидел, как со всех сторон к нам подступают люди.

Клянусь, меня их вид потряс поболее, чем даже облик дьявольского кабана! Все тощие, как жерди, сплошь облаченные в сверкающие черные доспехи, да так, что и лица не видно вовсе, даже глаз. Точно не люди, а живые тени! Их было двенадцать, как аморейских аватаров, и каждый имел в руке по длинному и странному мечу. Меч странным был постольку, поскольку рукоятка, тоже черная, занимала до трех четвертей длины, а лезвие было лишь на конце клинка.

Двигались они напряженно, извиваясь, точно гады, и не нужно было нам иных свидетелей их враждебности. Герцог не стал гадать, откуда в нашем Нарбоннском лесу взялись такие чудные воины, и по какой заботе к нам пожаловали. Он схватил свой меч и встал в боевую стойку. Я сделал то же самое, оградив от нападения тыл государя.

Вдруг один из них взметнулся ввысь, точно лягушка, оттолкнувшись задними лапами, и, перелетев через нас, приземлился на ноги. Это впечатляло. Затем его рука унеслась куда-то, стремительно мелькнуло лезвие, и миг спустя какая-то игла вонзилась прямо в глаз мертвого кабана. Признаюсь, я похолодел: это ведь мог быть и мой глаз, и глаз государя!

А в следующий миг иглы, быстрые, как стрелы, засверкали у наших глаз... но ни одна из них нас не задела!

Герцог недобро усмехнулся и крикнул черным людям по-аморейски:

– Эй, циркачи без лиц! А что ещё вы можете? Слабо сразиться, как мужчинам? Ставлю свою добычу, вот эту жирную свинью: ваши палки обломаются о славный меч Нарбонны!

Голос, низкий и шипящий, точно гад какой ползучий отвечал нам, произнес:

– Жалкий глупец! Ты в нашей власти. И твой друг. Меч не спасёт тебя. Ты будешь страшно умирать. Ты будешь умолять о смерти, как о высшей милости богов. Но у тебя есть шанс спастись...

– Позволь, я догадаюсь сам. Мне нужно сдаться вам на милость, вам, подлым амореям? «Чёрные» затряслись в беззвучном хохоте, и шипящий голос ответил:

– Нет, мы не амореи. Но даже мы, сильнеешие из сильных, склоняемся перед Божественным Престолом...

Теперь расхохотался герцог:

– Вы хвастуны и трусы, а не сильнеешие из сильных. Я не боюсь вас. Тем более, я вам не сдамся!

С этими словами государь первый бросился на аморейских прихвостней. Взвился огромный меч и разрубил одного из «чёрных». Но что это?... Меч прошел сквозь «чёрного», словно того и не существовало вовсе! А следом «чёрный» превратился в тень, и эта тень, подобно дыму от угасшего костра, начала расползаться во все стороны...

– Какой же ты глупец... – вновь услышали мы низкий шипящий голос... а следом «чёрные», извиваясь в беззвучном хохоте, исчезли, все до одного.

И лишь теперь мой герцог по-настоящему испугался.

– Колдовство... – простонал он. – Проклятое колдовство!

Я бросил взгляд туда, где должен был лежать убитый им кабан. Я был готов к тому, что и кабан развееется – но он лежал на земле, как надлежит лежать мертвой туше.

Ребенку было бы понятно: всё это неспроста!

Мы снова не успели собраться с мыслями. Раздался дикий вой, и поневоле защемило сердце. А следом я увидел ИХ.

ОНИ стояли по окружности поляны – огромные, серые, с пылающими животной злобой глазёнками. ОНИ походили на волков не больше, чем на обезьян. ИХ длинные хвосты стояли торчком, как у котов, готовых к нападению. Я знал, кто эти твари. Мы видели таких в зверинце Миклагарда; Кримхильде, помню, тогда стало дурно от одного вида ИХ. Эти нечистые создания, как объясняют амореи, развились из-за многовековых мутаций Эфира. Живут они в мрачной Стимфалии и запретной Метиде, питаются человечиной; а ещё слышал

я, амореи нарочно скармливают им плохих рабов. Зовут ИХ ликаонами, по имени мифического царя-эллина, который будто бы прогневал Зевса и обращен был им в волчище.

Каким недобрым промыслом мутанты-ликаоны очутились тут, на нашей нарбоннской земле, где никогда не видывали противных самой природе аморейских мутантов-кабиров? Видать, тем самым, каким и «чёрные».

– Ну нет, вторично я на чародейство не поддамся, – услышал я шепот государя.

Только он сказал такие слова, один из ликаонов устремился к нам. Ко мне. Я поднял меч и разрубил чудовище. Раздался страшный визг, брызнула кровь... Тварь не была иллюзией, как «чёрный» – она была живая!

Увидев кровь собрата, все ликаоны бросились на нас, и закипела битва. Не знаю, сколько было их. Они взаправду нападали, клацали клыками, стремясь достать до нас, а их длиннющие хвосты вертелись так и сяк, пытаясь сбить нас с ног.

Наверно, одним лишь чудом удалось нам выжить. А может, боги в самом деле существуют и помогают нам. Скорее всего, боги не причем, мы сами себя вытащили, вернее, наши мужество, сноровка и сообразительность. Понятно, рыцарю не должно возносить себя – но вы иначе не поймете.

Мы с ним стояли, с герцогом, спина к спине, и яростно работали клинками, не позволяя ликаонам нас достать. Они бросались, безмозглые, свирепые, как демоны, суть адские твари, – и отлетали от нас, вернее, отлетало то, что мы оставляли от них. Уверенность в победе все больше захватывала меня, я старался не думать, что будет, когда силы оставят нас... в конце концов, и им когда-нибудь должен прийти конец!

– Ром, сверху! – вдруг воскликнул государь, и краем глаза я увидел, что сонм проклятых тварей взобрался на деревья... вот-вот они обрушатся на нас!

Я и забыл, что ликаоны, подобно обезьянам, умеют лазать по деревьям.

– Ром, прорываемся в центр поляны!

Показывая мне пример, великий государь сам кинулся навстречу тварям. Не знаю, как уж это получилось – то ли оступися он, то ли чей-то хвост взаправду подсек его – но государь упал, и в тот же миг твари набросились на него. И тогда словно Донар в меня вселился. Сам не помню, что я такое сделал, но ещё мига не прошло, как я был подле герцога. Твари отхлынули, и мы воспользовались шансом. Мы добрались до центра поляны, где чудовища могли достать нас лишь с земли, не с деревьев. И снова встали мы спина к спине, мой государь и я, его оруженосец и наперсник с детства.

Те, что были на деревьях, слезли и присоединились к остальным. Теперь я мог представить, сколько их. Никак не меньше трех десятков! Они образовали круг и медленно подступали к нам, к их жертвам. В тот миг я понял, что эти твари, если все разом бросятся на нас, добьются своего, и никакой клинок не остановит всех.

Видать, мой герцог о том же самом думал.

– Мы храбро умираем, Ромуальд, – услышал я. – Хороший, славный день сегодня! Не дрейфь, таких, как мы, жалуют Донар и Вотан!

Я поневоле усмехнулся. Мне ли не знать, что государь – безбожник. Неужто вдруг поверил, что по смерти за нами быстрая валькирия примчится и отвезет нас в Вальхаллу?

Мы приготовились принять последний бой.

Ему не суждено было начаться. Откуда-то сверху послышались крики... вернее, нет, не крики, а птичий клекот, если эту какофонию пронзительных звуков можно так назвать. Но мы глядели на земных врагов, не увидали, что творится в небе. Зато мы увидали, как клекот подействовал на ликаонов. Злобные морды исказили гримасы страха, головы тварей вжались в туловища, и как будто лапы у них подкосились. Некоторые задрожали, а иные осмелились взглянуть на небо.

Тут клекот повторился, жестче и сильнее. Он был до того противен человеческому уху, что я в тот миг, поистине, мечтал оглохнуть.

Ликаоны, вмиг забыв о нас, бросились наутёк – не разбирая дороги, затаптывая друг друга, точно не сильнее хищники то были, а трусливые косули, почуявшие льва.

И вспомнил я рассказы амореев: ликаоны боятся стимфалийских птиц. Вживую этих «птиц», хвала богам, я не видел, но по картинкам – сущие исчадия, в сравнении с которыми сам дракон Нидхогг всего лишь безобидная зверюшка! Если верить амореям, обитают эти грифы-переростки в Стимфалийских горах, куда даже безумцы по доброй воле не суются, и охотятся на всё, что движется, потому как ни одна из земных тварей не может этим мутантам противостоять. Я видел на картинке, как стимфалийская птица хватает и уносит сехмута, немейского льва, который, в свою очередь, с ликаоном справляется без труда. Чего уж говорить о людях!

У амореев даже существует особый орден Геракла первой степени – для тех, кто победил хотя бы одну такую «птицу» – но не слышал я, чтобы им кого-то награждали!

«Теперь уж точно нам конец, – пронеслось у меня в голове, – со стимфалийской птицей добрым мечам не совладаешь, тут мощная пушка нужна»

С такой мыслью и я обратил взор в небо. И не увидел ничего! Пронзительный клекот удалялся, словно летающая тварь преследовала тварей земных. Мы так и не увидели её.

Вместо стимфалийской птицы явился тот, кто стал причиной нашего спасения. Это был друид. Он стоял меж двух суровых дубов и казался ещё древнее их: кожа на его лице напоминала древесную кору, пальцы походили на корни могучего дерева, шея была подобна стволу, а облачён друид был в белую рубаху до ступней, схваченную на поясе простой веревкой, да ещё на голове его был белый балахон. Что это именно друид, я понял сразу, хотя до сей поры не видел ни единого и даже сомневался, существуют ли они. Конечно, это был друид, вне всякого сомнения, и выглядел он так, как должен, судя по сказаниям народа, выглядеть друид. Любой германец, галл или бритт признает настоящего друида в этом человеке. Да и кому ещё, помимо мудрого, могучего, великого друида, под силу обратить в паническое бегство сонм аморейских чудищ?

Я понял сразу, как он это сделал. Губы его были сложены трубочкой, им помогала рука – пронзительные звуки, услышанные нами, на самом деле не птица издавала, а этот наш спаситель. Но ещё более поразительным было другое: подле друида стояла моя лошадь и мирно щипала траву! Как будто не было ни ликаонов, ни жутких звуков, которые не то что лошадь – свирепого быка бы напугали! Одной рукой, как я уже сказал, друид совершал пассы у губ, а другой поглаживал моего скакуна.

Мои размышления прервал государь.

– Так я и думал... – промолвил он и зашагал навстречу нашему спасителю.

О чем мог думать герцог? Я этого не знал. Мне оставалось следовать за ним. Герцог подошел к друиду и, не опуская меча, спросил:

– Ты кто такой? Откуда взялся?

Тот прекратил свои манипуляции и посмотрел на нас. Глаза у друида оказались странные, рыжие, точно были выжжены огнем. А ростом он не уступал герцогу.

– Я спрашиваю, кто ты такой! – настойчиво повторил государь. – Отвечай, или умрёшь!

Воистину, слова герцога были безумны – говорить это могучему друиду, нашему спасителю! Я тронул государя за локоть и шепнул:

– Перед тобой друид, великий чародей, разве не видишь? Молю тебя, оставь угрозы!

– Пусть сам ответит, – усмехнулся герцог. – Или ты нем, как там тебя? А может, ты по-аморейски разумеешь только? – и государь повторил свой вопрос на языке амореев, его, как известно, в наших краях многим приходится знать.

Друид медленно покачал головой и ответил по-галльски:

– Послушай друга своего, отважный Варг. Меня не устрашат твои угрозы. Хочешь разить – рази... чему быть, того не миновать! Но знай: тогда твои геройства ни к чему, и ты ничем не лучше Сигурда. Опять я, значит, обознался.

Слова друида были загадочны, и даже герцог растерялся поначалу; тем временем друид обрátil к нам спину и двинулся в глубь леса. Герцог схватил его за плечо.

– Нет, ты так просто не уйдешь! Могу ли я отпустить того, кто знает моё имя, кто спас мне жизнь? Изволь же объясниться: зачем ты это сделал?

Быстрым и твердым движением, удивительным для старика, друид сбросил руку герцога, но в лес уходить не стал. Он присел на пень и, как будто не обращая внимания на нас и наше оружие, заговорил:

– Были у мудрого Хрейдмара три сына: Отур, Фафнир и Регин. Все трое – опытные в чарах, сметливые не по годам. Жили они с отцом и сестрами близ водопада, где карлик Андвари, тот самый, владеющий искусством обращаться в рыбу, любил играть с другими тварями речными. Ещё у карлика имелось золото, и знали все, что видимо-невидимо его, поболее, чем у самого Вотана, но где оно сокрыто, не знал никто. Крепко берёт Андвари тайну своих сокровищ! Даже Отур, друживший с карликом, не смог вызнать её. Но вот однажды, когда грелся Отур на солнце, приняв облик хищной выдры, к тому месту пришли Вотан, Хёнир и Локи. Проклятый Локи, увидав выдру, тотчас кинул в неё камнем: так настигла Отура смерть. Сообща асиры освежевали выдру и шкуру взяли себе как трофей. С нею и явились в дом Хрейдмара. Горе постигло старика – он сразу же признал сына в этой выдре. А Фафнир с Регином объявили богам, что за убийство надобно платить! Могучий Вотан возражать не стал, ибо ценил законы, им же самим, великим, утвержденные, и объявил проныре Локи: «Ты, Локи, Отура убил – ты и добудь им золото в оплату!» Здесь нужно объяснить, что Фафнир с Регином потребовали насыпать шкуру выдры золотом до краев, да золотом прикрыть её снаружи... – старик замолчал, видно, переводя дух.

– И Локи просто взял золото у карлика Андвари, – вставил я.

Друид кивнул.

– Не так уж просто это было, юный Ромуальд! Но Локи, даром, что ли, самый хитрый из богов, изловчился и поймал Андвари в сеть. Угрожая карлику смертью, он выведал, где тот скрывает золото. Сверх того, безжалостный Локи отнял у Андвари кольцо, которое дороже всего клада, поскольку было талисманом. Карлик, бессильный помешать Локи, только изрёк тому вослед: «Никто не насладится этим златом: два брата и восемь благородных рыцарей из-за него погибнут!» Но Локи лишь расхохотался: ему ли, богу, бояться проклятий карлика? А золото, что прежде прятал Андвари, досталось Хрейдмару, отцу трех братьев. Всё золото, да и кольцо в придачу, забрал он у асиров. А уходя, коварный Локи припомнил слова карлика и так напутствовал Хрейдмара: «Не жди добра ни от кольца и ни от клада! Твои же собственные сыновья поплатятся за обладание им».

– Надеюсь, ты закончил? – сурово, но с издевкой, спросил мой герцог. – Чем завершилась эта сказка, знает любой...

– Нет, не знает! – возгласил друид, и меня в дрожь бросило, настолько сильным, повелительным, величественным даже оказался голос старика. – Имей терпение дослушать! Ибо не знаешь ты, не можешь знать, что было дальше!

– А ты, стало быть, знаешь? – ухмыльнулся государь.

– Я – знаю! – ответил друид голосом, не оставлявшим сомнений в его искренности и, словно опасаясь, что герцог вновь помешает ему, поспешил продолжить: – Но мудрый Вотан возмутился словам Локи и заявил: «Негоже нам, убившим одного из братьев, такую же судьбу и остальным пророчить. Кто это золото к добру употребит, на благо людям, не одному себе, тот жив останется и славу, равную славе богов, завоевать сумеет». Тут Локи разозлился, что вышло-то не по его – но воля Вотана священна! С тем боги удалились. Отец, Хрейд-

мар, однако, словам Вотана не внял и золото, как я сказал, себе присвоил. В тот час обеда братьев обуяла, и стали они требовать праведной доли. Отец же отказался наотрез. Фафнир, горячий нравом, вступил с ним в жаркий спор и в гневе смертью предка поразил. Как дух родителя покинул, Фафнир вскричал: «Всё золото моё отныне!» А Регин, третий брат, увидев это, припомнил прорицанья Локи и слова Вотана. Сдержал себя Регин и на проклятое золото покушаться не стал. Фафнир же обратился страшным змеем, для пущего испугу остальным, и удалился с кладом в темную пещеру, где на него, на клад, залёг. Так миновали годы; однажды Регин встретил молодого Сигурда и воспитал в нем лучшего из воев; героя, Сигурду подобного, не носила земля. И час пришел, когда великий Сигурд узнал о кладе. «Убей Фафнира-змея, добудь то золото и всё употреби на благие дела; по слову Вотана, величием сравнишься с бессмертными богами», – сказал Сигурду Регин. Ужасная молва о змее шла, и даже Сигурд долго не отваживался воевать Фафнира. Но Регин от него не отступал – и вот настал тот день, когда герой, наученный великим чародеем, поразил злодея! Увы, – скорбно сказал друид, – блеск золота затмил герою разум. Подумал Сигурд, что Регин ради золота его растил, что Вотана и остальных богов приплёл, чтоб только соблазнить на подвиг; на самом деле же, подумал Сигурд, Регин теперь убьёт его и завладеет кладом. Ещё подумал Сигурд: «Зачем мне этот Регин, который меня может в любой момент убить? Ведь золото теперь моё».

– И Сигурд убил чародея! – не выдержал я.

Друид впервые улыбнулся – однако «милой» улыбку его я бы не рискнул назвать.

– Ты заблуждаешься, отважный рыцарь, – сказал друид, – как заблуждались многие прежде тебя. Подумай сам: ужели Регин-чародей такой глупец, что не предвидел, как золото воздействует на Сигурда-героя? Нет, он предвидел, но ничего менять не стал, поскольку золото издревле служит надежным испытанием воли людской и чести. Тот испытания не выдержал, и проклятие Андвари-Локи настигло его прежде пророчества Вотана. Сигурд пал, проклятым золотом другие завладели, оно не раз меняло обладателя, но счастья никому не принесло...

– А Регин? – спросил я. – Что случилось с ним?

– Он выжил, и с тех пор священной целью его жизни было найти великого героя, который бы имел благую цель и Вотана желание исполнил.

– И как, нашёл-таки? – усмехнулся герцог.

Друид не сразу отозвался. Он медленно встал со своего древесного трона, величественно расправил плечи, испытующе посмотрел на государя и наконец сказал:

– Да, думаю, нашел!

– Ты-то откуда знаешь? – удивился государь.

– Мне ли не знать, – усмехнулся старик в ответ, – ибо я сам Регин и есть!

В тот миг мне стало дурно. Я, обомлевши, глядел на старика. Так значит, он, стоящий тут, пред нами, говорящий с нами, тот самый Регин? Регин-мудрец, имевший дело с Вотаном и Локи? Взрастивший Сигурда, героя из легенд? Регин, известный по сказкам всякому жителю Севера, – этот Регин перед нами?!

Нет, нет, не может быть такого!!

Герцог оправился прежде меня.

– Врёшь ты, старик, – заметил он. – Что ты колдун, я верю. Но ты не Регин. Никто не знает, существовал ли Регин в самом деле. И ты не можешь знать. Ты стар, но Регин старым был – если был! – уже в те времена, когда норвеги, мои предки, покоряли прежних галлов, – а с тех времен тысяча лет миновала!

– И тем не менее, я Регин, – спокойно отозвался старик, – а в подтверждение моим словам... Готов ли ты, увидев проклятое золото, поверить мне?

– Золото?!

– Золото карлика Андвари, потом принадлежавшее Хрейдмару, моему родителю, затем Фафниру, брату моему, и Сигурду, которого я воспитал, и Нибелунгам, и прочим, кто не был упомянут... их нет уж на земле, а золото осталось. И только я владею тайной, где галльская земля хранит его, для нового героя!

Я видел, как вспыхнули глаза у государя моего. Золото! Что, больше, чем свобода, нужно нам? На золото мы сможем возратить долги, и армию создать и оснастить, и голод, что надвигается на нас, остановить... да всё мы сможем с этим золотом!

Но мне не верилось, что это происходит наяву... мне вдруг почудилось, что чудной старик вот-вот развееется, как «чёрные». Я протянул руку и коснулся его.

Он был живой, из плоти, настоящий.

Вот чудеса!

Не дожидаясь ответа государя, старик сказал:

– Пойдём, и сам его увидишь. Клад здесь, недалеко.

Мы с герцогом переглянулись. Старик, и без того слишком подозрительный, внушил нам ещё большую тревогу. Баснословные сокровища нибелунгов – «недалеко»? И он готов нам их отдать?!

Я в это не поверил – что говорить о герцoge, который, видно, не поверил ни единому слову колдуна.

А тот, словно подслушав наши мысли, полуобернулся и заметил с ухмылкой ядовитой:

– Вам ли, отважным воинам, одолевшим эриманфского вепря, черных призраков из Нихона и стаю свирепых ликаонов, бояться меня, старца?

– Не ты ли истинный хозяин чудищ? – с угрозой спросил герцог, вздымая меч. – Как объяснишь, что эти твари появились тут, в Нарбоннии, где отродясь не видывали таковых, в один и тот же час, в одном и том же месте, с одной и той же целью?

– Вепрь эриманфский привезен и выпущен на волю амореями, с целью причинить вред тебе и государству твоему, – ответил колдун, – как и ликаоны. Что же до черных призраков, то их призвали злобные аморейские боги-аватары, дабы смутить тебя и принудить к преклонению колен. Ты выдержал все испытания, остался крепок духом, равно телом. А почему случилось всё сегодня и в этом месте, я объясняю провидением богов, – наших, отеческих; они же повелели мне прийти к тебе на помощь, ибо по нраву ты им, герцог Варг!

– Ну всё, довольно голову морочить! – рявкнул государь. – Я, хоть и варвар, но я же не дурак и не доверчивый ребенок! Нет никаких богов, ни Вотана, ни аватаров! Богами вы, жрецы да колдуны, честный народ смущаете... мне это знающие люди объяснили, тебе не чета!

Вдруг государь осёкся – и стал мрачнее ночи. Не знаю, что случилось, но будто нечто надломилось в нем. Я перехватил его взгляд, которым он словно пытался пронзить чудного старика.

А тот и виду не подал, что испугался государя.

– Хорошо... – процедил герцог. – Веди нас к золоту, а там посмотрим!

Всё оказалось правдой. Во всяком случае, золото было настоящее: я перепробовал его на зуб, да так, что зубы разболелись. Тут были золотые кубки, ожерелья, шлемы, даже мечи из золота. По виду всё казалось древним, как наша земля, и ещё древнее: в углу пещеры был сундук, набитый римскими монетами. Да, главное я не сказал: пещера была искусно спрятана меж трех огромных дубов, и даже я, даже мой светлый государь навряд ли бы дорогу отыскали.

– Всё это золото твоё отныне, – заявил чудной старик. – Владей им и распоряжайся, как душа рыцаря и разум государя подскажут тебе. Однако помни о проклятиях Андвари и Локи, равно не забывай пророчество Вотана. Я знаю, ты мечтаешь отвоевать и затвердить свободу

галлов; то благая, угодна отеческим богам мечта! Но если ты оступишься, как оступился Сигурд, если предашь свою мечту – то берегись проклятого золота, герой!

Герцог потряс головой, точно надеясь прогнать наваждение.

– Не знаю, кто ты есть на самом деле, – в волнении вымолвил он, – Поверить не могу, что Регин, воспитатель Сигурда, дожил до наших дней и сохранил чудесный клад. И никто не поверит... а если некто, умом некрепкий и душой, вдруг, да поверит, то я, герцог, быстро безумцу рот заткну! Незачем нас, галлов, смущать волшбой: довольно с нас чудес, жить и работать надо! Нас это золото по волшебству к свободе не приблизит... но мы используем его на благо, как ты сказал, старик. Поэтому не обессудь, но для меня и остальных ты Регин не станешь. А назову тебя я Мерлином... сказывают, что у бриттов был такой могучий чародей, немало помогал он королю Артуру, когда тот бился с амореями за волю!

Старик рассмеялся и протянул государю свою морщинистую руку.

– Что ж, буду Мерлином, коли желаешь! Приветствую тебя, новый Артур!

И герцог пожал руку Мерлина.

– Спешу к своим друзьям, в Нарбонну, – ещё сказал наш новый Мерлин, – ибо тревогой за тебя полны отважные сердца. А золото твоё советую оставить здесь. Никто его не заберет, ибо нашло оно героя!

Герцог вспомнил об убитом звере и заметил:

– Но прежде я вернусь на ту поляну, где лежит убитый мной вепрь, и заберу башку. Клянусь Вотаном, не стану оставлять стервятникам такой трофей!

Я изумился пуще прежнего: мой государь впервые со времен Ульпинов поклялся именем отеческого бога!

А Мерлин кивнул, соглашаясь с ним, и добавил:

– Этого мало. То не простой был вепрь, а эриманфский. Ты победил его и, по древнему обычаю, можешь получить силу врага.

– Ты говоришь об «обряде омовения»?

– Верно. Прикажи своим воинам доставить кабана в столицу. А там я проведу обряд.

Герцог колебался мгновение, затем сказал:

– Пока это случится, лесные звери обглодают тушу! Уж вечер близится!

Мерлин приложил руку к груди.

– Не беспокойся. Регин я или Мерлин, судить тебе, но силу, данную отеческими богами, отнять лишь они властны. Будь уверен, и завтра утром туша эриманфского кабана будет цела и свежа, как нынче.

Мы вернулись на поляну. Герцог обезглавил чудище, затем мы вместе сели на моего скакуна и направились в Нарбонну. Мерлин остался на поляне. Когда он скрылся с глаз, мой государь протяжно, сокрушенно, с болью, какой не помню я, промолвил:

– Так я и думал, Ром... Так я и думал!

– О чем ты говоришь?

– Он не друид, не Регин и не Мерлин. Он – Марк Ульпин, ересиарх!

Услыхав такое, я чуть не свалился с коня.

– Ты в своем уме, Варг?

– Знаю, знаю, этот лесной старик на учёного ересиарха не похож ничем, – устало вымолвил мой государь. – И доказательств нет, что он Ульпин. А если бы и были, я всё равно не понимаю, как так вышло... Но я душой чувствую, Ром, что не никакой он не друид, а Марк Ульпин! Кто ещё мог бы такое подстроить? Кому ещё понадобилось бы дарить мне золото? Я ему нужен... моя душа!

Я захотел оглохнуть: не верилось, что в этот день, после всего, что с нами приключилось, мой государь способен завести старую песню о будто выживших еретиках Ульпинах!

Но государь молчал; до самой Нарбонны он больше не сказал ни слова. И там, у въезда в цитадель, я не выдержал и спросил его:

– Так если ты уверен, что это Марк Ульпин, почему сразу не убил его?

Герцог не ответил – потом, три дня спустя, он скажет мне:

– Убил бы, не размышляя ни секунды... если б уверен был, что этим я его убью! И не забудь, ещё второй есть – Януарий. Как, думаешь, он будет поступать, когда его отца моей рукой настигнет смерть? Уж если убивать, то сразу и обоих...

* * *

Из записей Януария Ульпина

Великолепный был спектакль!

Отец играл на грани фола, ежесекундно ожидая, что благородный Варг сорвется и попросту отрубит ему голову. Это было бы весьма печально: где ещё отец отыщет столь ценный экземпляр носителя? Но обошлось, и я, смотря со стороны, считаю, что наш план сработал целиком и полностью.

«Эриманфского вепря» мы создали на основе обыкновенного дикого кабана: мой отец ещё в Мемноне считался одним из лучших специалистов по клеточной инженерии.

«Чёрных призраков из Нихона» творили вместе: он визуализировал фантомы, а я озвучивал и добавлял эффекты.

Неимоверно сложным оказалось действие с «ликаонами»: само собой, никаких ликаонов не было, но следовало убедить Варга и Ромуальда, что они реально существуют, создания из плоти и крови, нападают, кусают и хотят убить. В действительности благородный герцог и его наперсник воевали друг с другом, при этом будучи уверены, что вместе отражают ликаонов; отец работал с Варгом, я – с Ромуальдом. Когда же действие подошло к развязке, отец инсценировал бегство «ликаонов» – и концы в воду! – а в подтверждение геройств нашего голема остался труп мутанта.

«Разумеется, Варг не поверит нашим сказкам, не поверит в приснопамятного Регина, – размышлял отец. – Нас это не должно пугать. Ибо известно: чем ложь фантастичнее, тем крепче она действует на человека. Его идея – мне называться Мерлином – явилась результатом лжи; важно, что сию прекрасную идею не я ему навязал, а он сам предложил мне. Ergo, он согласен иметь подле себя человека с моей наружностью и под именем Мерлин. А что ещё нам надо для успеха предприятия?»

Проще всего было отыскать золото: подобных кладов захватчики-норвеги немало схоронили в галльской земле ещё тысячу лет тому назад. С нашими ментальными умениями мы могли бы предложить благородному Варгу не один такой клад, а, по крайней мере, десяток. Мы выбрали тот, что поближе, и вписали его в древнюю легенду. Попробуй теперь докажи, что это не Золото Нибелунгов!

Как и надеялся отец, на золото он клюнул сразу. Не мог не клюнуть, ибо этот клад – спасение для герцогства, разоренного войной. Итак, он взял у нас золото, он снова наш должник, и никуда ему от этого не деться.

Мы поведем его к свободе – а заупрямится, по варварской своей гордыне, и потащим. Как говорит мой великий отец, «этот Сигурд – или никакой».

Глава сорок девятая, в которой молодая княгиня проявляет озабоченность здоровьем дорогой подруги

148-й Год Симплициссимуса (1787),

23 апреля, горы Киферона, Имперский центр рекреации и реабилитации

Молодая женщина, высокая и стройная, красивая непривычной северной красой, стояла у окна и рассматривала мир. Она видела живописные вершины, окутанные молочным покрывалом снега, розовый город в расселине, его богатые дворцы и виадуки, она видела людей, спешащих по своим делам, далеких, кажущихся муравьями, и ей казалось, что не реальность смотрит на неё через стекло, а мир иной, далекая и недоступная сказка, отражается в некоем волшебном зеркале, подобном видикону амореев. Молодая женщина, не выдержав этой картины, в отчаянии махнула кулачком по стеклу. Нечаянно она прибила какую-то букашку, неразумную тварь, которая, как и она, пыталась вырваться на волю.

Да, палата, где её держали, с полным основанием могла называться «золотой клеткой». Полгода она обитала в роскоши, какой не знала за все предыдущие двадцать шесть лет жизни. Следовало только пожелать, и любые яства доставлялись ей незамедлительно. На первых порах, пока она была больна, врачи не отходили от нее, затем их становилось всё меньше и меньше; врачи не уставали удивляться, осматривая её. Затем, как будто, к ней потеряли интерес, и хотя она полагала себя выздоровевшей, приходилось симулировать хворь, иначе, как она боялась, её оставят тут совсем одну, наедине с глухими стенами и неоходимым окном. Врачи, однако, были мастерами настоящими, наивная игра в болезнь была им не в новинку – но раскрывать игру они не торопились.

Так проходили дни, недели, месяцы; энергия, пылавшая в молодой женщине, требовала выхода. Узница отчетливо помнила, кто она такая и почему здесь оказалась. Ещё в минувшем году, едва придя в себя после тяжелого ранения, она заявила окружающим: «Я Кримхильда, законная герцогиня-архонтесса нарбоннских галлов, меня сам император утвердил своим эдиктом! Поэтому вам следует называть меня „ваша светлость“, и только так!» Слову своему она была верна: иначе как на «ваша светлость» не откликалась. Ей это, впрочем, мало помогало: с ней обращались, как с большим ребенком, как с дорогим подарком, не как с герцогиней. Помимо яств и безобидных развлечений, ей ничего не позволялось – и ни разу на её памяти ей не дали и шагу сделать из «золотой клетки».

Она, старшая дочь Круна, была толкова от природы, она прекрасно понимала, что держат её здесь нарочно, именно как дорогую узницу, и не врачей, обычных служек, нужно в том винить, а тех, кто заправляет аморийским государством. Врачи-тюремщики старательно ограждали узницу от новостей, и её знания о ситуации в Нарбонне, да и в Империи в целом, замерли на уровне октября-ноября минувшего года. Бессилие убивало её, она знала, что с ней поступают несправедливо, да просто нечестно; безысходность существования в «золотой клетке» доводила её, и прежде не отличавшуюся сдержанностью характера, до иступления – и она сошла бы с ума, если бы каждый день себе не напоминала: «Я обязана выжить, чтобы вернуть положенное мне!» Воистину, она хорошо помнила, чья она дочь, – не просто дочь, а старший ребенок! – она помнила, кто такая и что ей причитается согласно имперскому закону. Она даже не задумывалась, что это знание уже стало проклятием, виной и бедой всей её жизни.

Три дня тому назад, потеряв терпение, она объявила голодовку. Дочь Круна знала, ей достанет воли выдержать до конца. «Я добьюсь освобождения или умру», – рассуждала она; внутренний голос подсказывал ей, что истинные вершители её судьбы не заинтересованы в смерти законной правительницы нарбоннских галлов. Два первых дня тюремщики стара-

лись не замечать её тихого бунта: яства приносили, как обычно, — она в ответ не замечала эти яства. На третий день нервы у тюремщиков сдали, и её впервые попытались накормить насильно. Она не далась, и мучителям пришлось ретироваться; так она отпраздновала свою первую победу.

Вот дверь палаты снова отворилась, но Кримхильда даже не посмотрела в ту сторону. Кто мог явиться к ней? Тюремщик старый или новый, он всё равно тюремщик, хоть и в белых одеждах врача. Кримхильда скрестила руки на груди и плотно сжала губы, всем видом демонстрируя истязателям, что им её не взять.

Раздались тихие шаги, чей-то приглушенный голос произнес: «Вы уверены, ваша светлость?» — затем напряженный слух Кримхильды уловил ответ: «Да, я уверена! Оставьте нас, лицензиат», — и в тот же миг она узнала второй голос... поистине, его нельзя было спутать ни с каким другим, и сердце точно взорвалось, готовое выпрыгнуть из груди. Кримхильда стремительно обернулась — и увидела в дверях палаты Софию Юстину.

Она увидела ту, к которой мысленно взывала все эти долгие месяцы заточения, каждый день, едва ли не каждый час... увидела и растерялась.

Ибо София показалась ей, несчастной узнице, стократ прекраснее, сильнее, выше, чем в день последней встречи — там, в Нарбонне, незадолго до покушения. Впрочем, она не забывала никогда, что эта удивительная женщина, в одночасье переломившая всю её судьбу, на самом деле всемогуща — и это означало, в свою очередь, что именно София виновата... виновата во всем!

Да, она увидела Софию Юстину, величественную и великолепную, в роскошном золото-карминном калазирисе с тремя генеральским звездами, нашитыми на рукавах, что указывало на высокий чин логофета, и широкой муаровой лентой, пересекавшей грудь, с закрепленным на ленте символом сенаторского достоинства, большой звездой о двенадцати лучах; поскольку княгине Софии покровительствовал аватар Пегас, сенаторская звезда была гранена из цельного рубина и оправлена в платину — итак, Кримхильда увидела свою недавнюю наставницу и покровительницу во всем блеске могущества, увидела, растерялась, а затем боль и обида овладели ею.

— Это вы! Вы!! — полным ненависти голосом воскликнула Кримхильда и этим сказала всё.

София, словно ожидавшая подобной реакции, мягко улыбнулась.

— Да, это я. Пришла навестить вас, дорогая. Как вы?

От такой наглости Кримхильда задохнулась.

— Вы... в-вы н-навестить м-меня пришли?... — заикаясь, переспросила она. — А где вы раньше были, ваше сиятельство... прошу прощения, ваша светлость? Кажется, так вас стоит величать теперь! Я вижу, вы стали сенатором! А кем ещё? Должно быть, пока я тут, в темнице, умираю, вы овладели Квириналом, стали первым министром! Ну что же, поздравляю! Вы умнее всех нас — поэтому вы побеждаете всегда, а мы, послушные орудия ваших побед... — в глазах Кримхильды появились слезы, и Софии показалось, что несчастная готова броситься на неё с кулаками.

— Возьмите себя в руки, дорогая герцогиня. Ваши претензии ко мне, по меньшей мере, неуместны. Да, я стала сенатором — словно в насмешку, отец отдал мне эту звезду, когда выбрасывал из Квиринала, прочь от реальной власти! Знайте же, милая моя, что нынче боги улыбаются другому: мой дядя Марцеллин, истинный гений вероломства, путем интриги сумел завладеть высшей властью! Я больше не вхожу в правительство; все, что вы видите на мне, лишь блеск юстиновского рода и собственных моих былых свершений... Вы мне не верите? — спросила София. — Так рассудите сами: могла бы я, ваша подруга и должница (я помню, вы спасли мне жизнь), вам не помочь уйти от унижений, когда бы это было в моей власти?

Кримхильда, позабыв свой гнев, испуганно глядела на Софию. Неужели это правда, всё, что она говорит? Но, имея дело с Софией, разве можно быть в чем-либо уверенной?

– Вы обижаете меня своей обидой, – печально прибавила София. – Если не верите, могу вам показать газеты, где вы найдете подтверждение моим словам.

– Нет-нет, я верю... – помимо воли отозвалась Кримхильда. – Но вы такая... вы такая красивая, что я подумала...

София улыбнулась; на память ей пришли вчерашние слова Корнелия.

– Я Юстина, а это значит, мне надлежит блистать и покорять; что же до власти, то она вернется!

И сказано это было с таким природным достоинством и с такой внутренней убежденностью, что Кримхильда, сама того не сознавая, вновь угодила в невидимый плен... который и привел её в эту тюрьму-палату.

«Я верю... я должна поверить: она непричастна к моим страданиям! – думала Кримхильда. – Она всегда вела меня к отцовскому наследству, всегда мне помогала против Варга. А подлый Марцеллин, напротив, злодею Варгу неизменно пособлял, мне же упорно вредил! И как не быть иначе, когда дочь Марцеллина Доротея за Варга вышла замуж. О, горе мне! Теперь понятно, почему меня содержат в клетке – так повелел Корнелий Марцеллин, новый правитель амореев! Несчастливая моя судьба! Умереть в этой темнице, от истощения и горя? Как добиться справедливости? Ведь я, в конце концов, законная наследница отца, правительница всех нарбоннских галлов, – меня сам император утвердил своим эдиктом! Первый министр не может отменять эдикты бога! Да, да! Я герцогиня-архонтесса, и Марцеллин обязан меня выпустить: непозволительно такую важную персону, какой являюсь я, насильно держать под замком! Да, Марцеллин обязан снова дать мне легионеров... и с ними я вернусь на трон отца – а зверя Варга изловлю и запытаю!»

Размышляя так, Кримхильда не заметила сама, что размышляет вслух – и София внимательно слушает её, изучает. Воспаленный взгляд Кримхильды переместился к госте, и София услышала:

– Во имя всех богов, какая это женщина! её низвергли – а она прекрасна, как богиня! О, мне бы её ум! И силу духа. Она вернется к власти, в этом не может быть сомнений! Да, но когда это случится? Скоро ли?... Она ко мне пришла – что это значит? Это значит, я опять нужна ей! – радость отразилась на лице Кримхильды. – Это значит, она поможет мне выбраться! Но как, если она власти лишена? О-о-о... Ну и пусть! Она что-нибудь придумает! Она на всё способна!

Говоря такие слова и глядя с искренним восторгом на Софию, злосчастная Кримхильда и представить не могла, что эта восхитительная женщина не далее как полгода тому назад лично отдала приказ устроить на нее, законную герцогиню нарбоннских галлов, покушение, с целью удалить её, на время, с игровой доски.

– А как вы себя чувствуете, дорогая? – участливо спросила София.

– Я совершенно здорова, – ответила Кримхильда. – Не думаете же вы, что злодейское покушение, устроенное Варгом, бывшим моим братом, способно увести меня в могилу?

– Вы говорите, Варгом?

– Не сомневаюсь ни секунды: это он! – вспыхнула Кримхильда; но вдруг шальная мысль-догадка, как неожиданная молния, пронзающая небосвод, возникла в голове, и Кримхильда в страхе замерла.

София послала ей доверительный взгляд и, выразительно оглянувшись по сторонам, прошептала:

– Держите свои правильные мысли при себе, моя дорогая. Немногого добьетесь вы, напрямую обвинив... вы сами знаете, кого... в этом ужасном преступлении! Враги наши сильны, лишь осторожностью мы с вами добьемся справедливости.

– Да-да, – кивнула Кримхильда, – вы совершенно правы, ваша светлость... Ах, ну почему вас не было так долго?

София воздела глаза и снова прошептала:

– Вы сами знаете ответ. Мне было непросто проникнуть к вам. Но я проникла, я добилась, ибо я Юстина. А где не помогало мне имя, там в ход шли империялы.

Несчастная упала на колени и взмолилась:

– Молю вас, ваша светлость, освободите меня из этой страшной клетки! Я выйду на свободу... вернее, нет, я буду до предела жизни вашей преданной рабой!

– Терпение, терпение и ещё раз терпение, моя дорогая. Вы рассудите сами: столько уже терпели... ещё немного, и боги улыбнутся нам! А торопливостью мы всё только испортим. Вы видите меня, я вижу вас, я рада, что вы чувствуете себя прекрасно, ещё я рада, что принесла надежду; немного потерпите!

– Я так устала терпеть...

София сочувственно улыбнулась и подняла Кримхильду.

– Вы не пытались отдохнуть в объятиях Эрота?

– Один из надзирателей было пристал ко мне, но я отвела его. Где это видано, чтобы светлейшая архонтесса отдавалась простому службе?

– Вы поступили совершенно верно, дорогая. Никто не должен забывать, каков ваш титул. Но взглянем на проблему с противоположной стороны. Разве не их обязанность удовлетворять желания светлейшей архонтессы? Вы можете использовать их, как самцов, и в том греха для архонтессы никакого не случится.

Кримхильда покраснела.

– Вы говорите... «как самцов»?

– Конечно! – всплеснула руками София. – Они же большего не стоят против вас! Я вам советую немедленно приступить и так отвлечься от печальных мыслей. Вы обошительны, как редкая из женщин!

– А если я влюблюсь в ничтожного холопа? – чуть слышно прошептала Кримхильда.

– Есть верный способ избежать этой угрозы, – ответила молодая княгиня. – Самцов должно быть много!

– Много?!

– Да, и они должны вас услаждать все сразу. Тогда вы, захваченная бурной страстью, не успеете заметить среди них кого-то одного.

Кримхильда чувствовала, что лицо её горит, и пот струится по всему телу. София говорила невозможные слова, и говорила столь обыденно, как будто сказанное было в порядке вещей...

Точно проникнув в её страхи, София пододвинулась и молвила – Кримхильде показалось, крикнула:

– Не бойтесь, дорогая. Они вас не убьют – а наслаждение познаете, какое и представить невозможно. Взгляните на меня – бывало, я услаждалась страстью двенадцати мужчин сразу, и вот, как видите, красивая, счастливая, живая!

Ноги Кримхильды подкосились, и она едва нашла низкий скамн. «Двенадцать мужчин и София», – гремело в голове недавней галльской скромницы, но сцена, соответствующая этим словам, не укладывалась в её сознании. А София, подсев рядом, доверительно прибавила:

– Вам, милая, советую начать с двух или трех, – и далее в течение десяти минут следовали рекомендации определенного свойства, которые автор воспроизводить не станет, дабы не смущать моральные устои благовоспитанного читателя; что же до читателя без комплексов и предрассудков, то у такого, безусловно, должно быть развитое воображение.

Итак, повергнув бедную Кримхильду своими советами в краску и стыд, София незаметно удалилась.

В дверях палаты она столкнулась с красивым молодым человеком, облаченным в калазирис мандатора. Больше у дверей никого не было, и София, едва взглянув на молодого человека, поняла, что он подслушивал. Гнев вспылал в ней, но вспомнив, кто это такой, она лишь улыбку и игриво промолвила:

– Ах, ты, негодник, князь Димитрий Адрин! Куда бы мне тебя сослать, и так, чтобы ты перестал преследовать меня?

Они были ровесники, вместе поступали в Императорский Университет и одно время были весьма близки. Тит Юстин был бы рад такому зятю – фамилия Адринов, восходящая к Беренике Фортунате, считалась одной из самых уважаемых в Империи, и представители её не раз составляли достойные партии сыновьям и дочерям Юстинов. Димитрий был умен, сверх того, он был прирожденный организатор и обещал достичь высот в медицине, к которой испытывал стремление. Амбиции погубили его – вернее, погубила его София, равно и многих других, возомнивших о себе больше, чем они, на её взгляд, стоили. Сеть интриг, в которую по воле Софии угодил Димитрий, затянула его, а выбраться он не сумел. Со временем Димитрий всё прекрасно понял, но мстить возлюбленной не стал; подобно большинству неудачливых воздыхателей Софии, он продолжал её любить, безнадежно и безответно; сказать точнее, он обожал её – но, не желая растворяться в кругу таких же столичных неудачников, сам напросился в Киферополь, надеясь быть подальше от блистательной Софии и ближе к делу своей жизни. К двадцати восьми годам он дослужился до должности заместителя директора Имперского центра рекреации и реабилитации. Но нынче глава Центра был в столице, и Димитрий Адрин исполнял его обязанности.

Впрочем, если бы София Юстина действительно стремилась поскорее навестить Кримхильду, ей не отказал бы и сам директор.

– Ты более не властна никуда меня сослать, – с улыбкой ответил Димитрий.

София пожала плечами.

– Я вернусь. Не веришь?

– А мне казалось... мне казалось, ты рада жить в горах, с Марсием Милиссином!

Нотки ревности были слишком отчетливы, чтобы София могла позволить себе игнорировать их.

– Оставим этот разговор, Димитрий. Ты проиграл; к чему теперь стенаешь?

Димитрий вздохнул.

– Ты всё такая же: лживая, от волоска на голове до мизинца ноги, нечеловечески прекрасная... и совершенно недоступная! *Improbe amor, quid non mortalia pectora cogis?*⁷

– Ещё упомяни мой ум, подобный мудрости Минервы, который, в своё время, тебя оставил в дураках, – рассмеялась София.

– И ты опять плетешь свои интриги, – с видимой печалью произнес Димитрий. – Кто станет жертвой в этот раз? Если я понял верно, ты эту платиноволосую дикарку мечтаешь вновь использовать против родного дяди?

Вместо ответа она увлекла Димитрия к выходу и остановилась лишь на террасе.

– Сколь ты наивен, – сказала там София, – если не видишь уши, торчащие из стен!

– Кому нужно подслушивать больничный коридор? Это же не министерство колоний!

– А в министерстве как раз и не подслушивают. Кто из чиновных дипломатов по доброй воле выдаст затаённое? Но здесь больница, и элитная больница, тут необычные больные. А больные, как известно, бывают на язык несдержанны, а то и персонал. Ты меня пони-

⁷ «О жестокая любовь, почему ты истязает сердца людей?» (лат.)

маешь, надеюсь? Если ты не хочешь завершить жизнь в Обители Обреченных... *Dii, talem avertite casum!*⁸

Она намекала на юношеские увлечения Дмитрия древними сектами, которые Святая Курия давно признала еретическими. Однажды ей довелось увидеть на нём крестик, а в библиотеке – книгу «О граде Божиим» карфагенского епископа Аврелия, которую в своё время запретил знаменитый тёзка автора, сам первый император Гай Аврелий Фортунат. София тогда пришла в ужас и взяла с Дмитрия клятву кровью всё того же Фортуната, что он больше не будет так опасно рисковать.

– Ты говоришь это всерьёз? – озабоченно спросил Дмитрий.

Она кивнула и прибавила:

– Восемь месяцев назад мне на стол положили папку с материалами, компрометирующими твоего директора, и основу составляли его собственные неосторожные высказывания. Я уже тогда могла устроить его отставку.

– Зачем тебе его отставка?

– Ротация кадров неизбежна. Даже дядя понимает это. За три месяца, что он правит державой, в отставку отправлены десятки высоких чиновников, надеявшихся вечно.

– София, – прервал её Дмитрий, – не надо начинать издалека. Да, я хочу стать директором Центра. Но так не предлагай мне пост директора! Я знаю, что тебе нужна какая-то услуга от меня. Скажи мне прямо, я её исполню, – голос его затрепетал. – Для тебя я сделаю всё, что в моих силах, только попроси! И никакой оплаты мне не нужно: достаточно мне тебя видеть и разговаривать с тобой... раз уж на большее рассчитывать нельзя!

– Ты прав, меня весьма интересует наша бедная Кримхильда. Она действительно здорова?

– Физиологически – да. Раны зажили на удивление быстро.

– Твои подчиненные, вероятно, перестарались, выхаживая галльскую валькирию.

– Но ты сама...

– Оставим это! Ты сказал: физиологически здорова. А психически?

– Ты это спрашиваешь у меня? Ты – доктор психологии, а я – всего лишь врач.

– Не увличай, Дмитрий. Или ты думаешь, что я не помню, с каким блеском ты защитил диссертацию по психотерапии?

– Да, отклонения имеются, однако я бы не рискнул назвать её органической больной.

– Но ты слышал все её слова! Что это, как не мания?

– *Sed semel insanivimus omnes*,⁹ – улыбнулся молодой врач. – Любой из нас не в себе, мы отличаемся лишь стадией болезни. Вот взять меня, к примеру: я безнадежно болен тобой – так что же, это мания? А ты сама, София? Хочешь, я приведу тебе с десятков диагнозов, от эксгибиционизма и навязчивой мании до полиморфной психопатии и маниакально-депрессивного психоза, и обосную, сколь тяжело ты страдаешь ими?

– Ты страшный человек, Дмитрий Адрин, – прошептала София. – Скорее я бы приняла граина, чем согласилась стать твоею пациенткой!

– Увы, – вздохнул он, – больниц Империи не хватит, чтобы вместить всех нас, нуждающихся в излечении... Итак, чего ты хочешь?

– Кримхильда нездорова. Это должно стать очевидно всем. У вас ведь есть лекарства... Дмитрий кивнул.

– Именой её сделать или Антигоной?¹⁰

⁸ «Боги, отвратите такое бедствие!» (лат.)

⁹ «Однажды мы все бываем безумны» (лат.)

¹⁰ Т.е. апатичной или буйной.

– Пусть будет Антигоной галльского Эдипа, – ответила София, – ибо несдержанность натуры варварам присуща вообще и, в частности, весьма соответствует облику и репутации дочери Круна. Ей также скоро можно будет присовокупить болезненную гиперсексуальность...

– Забавно слышать это от тебя. А кстати, почему ты солгала ей? Двенадцать разве было нас с тобой?

– Я не могла сказать ей правду – бедняжка просто не поверила бы! А нужно, чтобы она всецело доверяла каждому моему слову.

– И значит, были мы «самцы»?

– Не обижайся, – улыбнулась София, – ведь важно, с кем сравнивать, и кого!

– Стало быть, я должен позаботиться о том, чтобы наша пациентка повредила рассудком на почве нимфомании?

– Ни в коем случае! Не следует вредить на самом деле. Пойми, это театр. Нам нужно будет убедить кое-кого, что эта женщина больна и не в себе.

– Ты убеждай, служительница Зевса, а я всего лишь врач, слуга Асклепия.

– Конечно. И постарайся не светиться у нее, Димитрий.

– В переводе на обычный язык я должен понимать: «Ты скоро станешь директором Центра». Верно?

– И звезд на калазирисе прибавится, тебе я это обещаю.

– Нет, ты неисправима. «Что ты на звезды глядишь, о, звезда моя? Быть бы мне небом, чтоб мириадами счастливых глаз мог тобою, о радость моя, насладиться...»¹¹

Она отстранилась, так как заметила Марсия, выходящего из главного подъезда Центра. София вспомнила, что в это время он имеет обыкновение навещать Клеменцию. Марсий тоже их заметил и сразу потемнел лицом.

София покачала головой и молвила устало:

– И они ещё смеют обижаться на «самцов»!

– Жаль мне его, – успел сказать Димитрий, пока Марсий шел к ним, – а, кстати, ты уже продумала, как будешь расправляться с ним?

* * *

*148-й Год Симплициссимуса (1787),
23 апреля, горы Киферона,
вилла Марсия Милиссина*

– Я хочу знать, какие общие заботы свели тебя с этим презренным эскулапом!

– Не смей так отзываться о добром друге моей юности.

– Как же, о друге! Я слышал...

– Довольно, Марс! В какой бы город мы ни прибывали, ты обязательно отыщешь повод упрекнуть меня.

– Да потому что в каждом обязательно находятся твои «друзья»! Я начинаю думать, что таковых мне не удастся обнаружить лишь на краю Orbis Terrarum¹², в каком-нибудь Нихоне!

– Отнюдь: при дворе микадо служит военным атташе князь Констанций Пеллин, которым также имеет честь быть моим другом.

– Ты издеваешься? Я вижу, тебе нравится сталкивать нас лбами!

– А я считала, ты выше глупой ревности, мой воинственный Марс.

¹¹ Неточная цитата из Платона, «К Астеру».

¹² Здесь – «Изученный Мир» (лат.)

– Прошу тебя, во имя Кифереи, которая дарует своё имя этой замечательной земле, хотя бы здесь старайся не давать мне повод! Моя богиня, я так люблю тебя, что соглашусь скорее вызвать эскулапа на дуэль, чем допустить и мысль, что он тебе приятен!

– Ой, твои замыслы опасны! Этот достойный человек полезен государству. Не смей злоумышлять против Димитрия. И знай: он мне не приятен вовсе. Тебе единственному я дарю свою любовь, как Алкиона – Кеику, цени же и не упускай.

– Отрадно это слышать. Тогда зачем ты разговаривала с эскулапом?

– В твоём вопросе есть ответ. *Medicus amicus et servus aegrotorum est.*¹³

– А разве ты больна?

– Я спрашивала его о Клеменции.

– Зачем? Маму лечат другие!

– Димитрий считает, что с матерью твоего ничего дурного не случится, если ты её покинешь... ненадолго.

– Он так считает, в самом деле? Пусть отправляется в Эреб: там будет раздавать советы!

– Ты сам себе противоречишь, Марс. Если б Димитрий имел бы виды на меня, разве хотел бы он, чтоб ты уехал? Ибо тогда и я с тобой уеду!

– Я не могу сейчас уехать. Я дал себе зарок, поклялся кровью Фортуната, что не оставлю маму, пока она не выйдет из больницы.

– О, горе мне! А если это, волею богов, случится через год?

– Прости, любимая: я дал зарок.

– А обо мне ты хорошо подумал, когда давал этот зарок?

– Все мои мысли о тебе, моя богиня! Взгляни вокруг – как тут красиво! И эта вилла – здесь всё, что мило твоему сердцу!

– И ты считаешь, этого довольно?

– А разве не по нраву тебе катание на «стопах Феба»? Мы можем заниматься этим каждый день, и снег будет хрустеть под нашими ногами!

– Т-так!.. Я кое-что скажу тебе, наивный Марс. Вчера нас посещал Корнелий, верно? А уже сегодня я провела беседу с тремя плебейскими магнатами и навестила злополучную Кримхильду.

– Что?!

– Кримхильду помнишь, Марс? Она недалеко от твоей мамы, всего лишь в другом корпусе!

– Зачем тебе понадобилось к ней?

– Я чувствую себя ответственной за бедную дикарку.

– А дальше?

– А дальше сам решай, любимый, что для тебя важнее. И помни: забота мне отыщется всегда! Да, я люблю кататься на «стопах Феба», и вилла мне твоя по нраву, и ты единственный мне люб... но я – Юстина!

¹³ «Врач – друг и слуга больных» (лат.)

Глава пятидесятая, в которой аморийский резидент составляет одно донесение, а посылает другое

*148-й Год Симплициссимуса (1787),
ночь с 23 на 24 апреля, Галлия, Нарбонна*

Донесение: доктор Ликон Транакис – князю Фасцию Клемину, логофету, министру колоний, в Темисию, дворец Большой Квиринал, Палаты Сфинкса (лично, совершенно секретно)

Ваше сиятельство!

Имею честь представить Вам очередной отчет о ситуации в Нарбонне.

Сегодня на центральной площади города состоялось грубое языческое действо, участие в котором приняли сам узурпатор и его ближние сообщники. Наблюдали действо тысячи нарбоннских варваров и люди из других земель; с глубоким прискорбием вынужден доложить, что среди присутствующих была замечена дочь его высокопревосходительства Корнелия Марцеллина княжна Доротея.

Первым виновником новых неприятностей следует считать, однако, не самого узурпатора, а некоего старика, внезапно объявившегося в Нарбонне. Узурпатор называет его Мерлином, что само по себе служит дерзким вызовом Божественной власти; настоящее имя самозванца узнать пока не удалось. Обликом этот Мерлин напоминает жреца-язычника, каковые, благословением великих аватаров, были истреблены во всей Европе много веков тому назад. Дикари немедленно признали в нем друида и объяснили его появление милостью своих архаических божков.

Обряд, который он провел, также известен галлам с древности и называется «омовением». В город была доставлена туша дикого кабана, якобы убитого узурпатором на охоте. Однако в тот день никакой охоты не было, из чего благоразумно сделать вывод, что узурпатор набрел на труп животного случайно, либо в деле замешан вышеназванный Мерлин. Судя по размеру туши, один человек никак не мог убить этого зверя, даже принимая в расчет известные физические данные узурпатора. Тем не менее убитый вепрь был назван единственным трофеем узурпатора, и дикари восславили своего вождя как величайшего, со времен Сигурда, героя. Важно отметить: имя приснопамятного Сигурда неоднократно звучало на площади (сам узурпатор, очевидно, примеряет на себя его сомнительные лавры), и вовсе не упоминалось, что злокозненный мятежник Сигурд закончил жизнь верным федератом Божественного Престола.

Итак, туша кабана была разделана и помещена в огромный чан с водой, где и была сварена. Пока горел костер, мятежники развлекали друг друга языческими песнями, плясками и воинственными речами. Когда же кабан сварился, соумышленники узурпатора извлекли его из чана, и началась трапеза. Простолюдинам также пожаловали обедков с господского стола, что послужило поводом для восторгов «широтой натуры» узурпатора.

После трапезы наступил кульминационный момент действия. Узурпатор снял одежды (всё, кроме набедренной повязки) и под восторженный вопль толпы окунулся в чан с горячим бульоном. Вышеупомянутый Мерлин прочел над узурпатором заклинание, суть которого заключается в том, что узурпатор, как победитель кабана, вбирает в себя жизненную силу убитого зверя и своей мощью становится подобен кабану (вепрю).

Далее было объявлено, что по такому случаю алый с белыми лилиями государственный флаг Нарбоннской Галлии (утвержденный Божественным Престолом) отменяется, а вместо него официальным флагом герцогства признаётся знамя с ведром, то есть личный стяг узурпатора.

После «омовения» языческое пиршество было продолжено, и покорный слуга вашего сиятельства принужден был внимать дерзким и оскорбительным речам злокозненных бунтовщиков. Эти воинственные речи, равно как и поведение узурпатора с сообщниками, не дают оснований надеяться на утверждение легитимной власти мирным путем. Нарбоннские бунтовщики бросают безумный вызов могуществу Империи; понимая, сколь велики заботы его высокопревосходительства Корнелия Марцеллина, я, как преданный слуга Божественного Престола, всё же обращаюсь к вашему сиятельству с настоятельной мольбой довести до сведения его высокопревосходительства консула и первого министра всю тревожность ситуации в Нарбоннской Галлии, каковая тревожность утверждается мной в настоящем и всех предыдущих донесениях.

Работая под личиной посланника эгейских пиратов, я добился вхождения в ближний круг узурпатора; имея в виду его мнительность, я остаюсь предельно осторожен; в то же время полагаю, что численность агентов, работающих со мной в Нарбоннии, следует увеличить в три-четыре раза: только так можно отслеживать и вовремя предотвращать все происки бунтовщиков. Со своей стороны, надеюсь и впредь саботировать контакты узурпатора с эгейскими разбойниками, от каковых он жаждет получать оружие и провиант.

Предлагаю также рассмотреть и решить вопрос об умерщвлении вышеупомянутого Мерлина, ибо этот ловкий самозванец, всячески подстрекающий дикарей к бунту, безусловно, представляет значительную угрозу имперской власти не только в Нарбоннской Галлии, но и в иных землях, откуда могут быть родом его слушатели; наиболее опасным видится альянс новоявленного Мерлина с популярным вождем бунтовщиков.

Vivat Imperator!

* * *

Доктор Ликон Транакис с удовольствием посмотрел на бумагу. Затеяливый рисунок: точки, линии, кривые, квадраты и овалы, фигурки, похожие на иероглифы страны Хань... При дворе герцога знали, что посланник эгейских пиратов увлекается художественной пиктографией – но мало ли какие у кого причуды? Тем более что увлечение своё бывший пират от герцога скрывать не стал и даже подарил «картину», которую юный Варг переварил единственно из вежливости, да потому, что нужен был пират для дела; кому бы в голову пришло, что пиктография служит прикрытием для криптографии и что пират-художник с Эгейского архипелага на самом деле аморийский резидент, глава обширной разведсети, засланной в Нарбоннию после войны?

Итак, с удовольствием посмотрев на своё творение, Ликон сложил бумагу в трубочку, запечатал в специальный непромокаемый цилиндр (для виду в нем хранились иглы), а затем вставил цилиндр в деревянную фигурку вепря и тоже запечатал – фигурку эту Варг направлял в подарок одному из важных пиратских адмиралов; на самом деле, как точно знал Ликон, по пути к архипелагу цилиндр исчезнет из фигурки, и два, максимум, три дня спустя донесение нарбоннского резидента расшифруют и передадут адресату.

Вдруг Ликон вспомнил, что у него имеются ещё четыре схожие фигурки, и решил избавиться от них, на случай обыска. Ликон открыл тайник, достал фигурки, внимательно их осмотрел... и поставил на стол рядом с первой. «Да, очень похожи», – подумал он и бросил первую фигурку, с донесением, в пылающий очаг. Затем, когда она сгорела, резидент переделал и запрятал фигурки обратно в тайник, все, кроме одной.

Ликон посмотрел в окно. «Уже рассвет, а я до сих пор не составил донесение!», – подумал резидент и принялся за работу. Он торопился, поэтому донесение вышло коротким; доктор Ликон Транакис весьма бы изумился, если б узнал, что и другие донесения его, прочитанные в космополисе, были похожи на это:

«Ваше сиятельство!

Имею честь представить Вам очередной отчет о ситуации в Нарбонне.

Узурпатор проводит время в пирах и увеселениях. Так, нынче он убил на охоте кабана и, демонстрируя «широту натуры», угощал мясом наперсников и простой люд, надеясь, видно, так снискать расположение обманутого им народа. Воинственные речи узурпатора тут больше никого не могут возбудить, и даже жалкие крестьяне, некрепкие умом, всерьез его бахвальство не воспринимают.

При узурпаторе теперь имеется свой шут – это старик курьёзного обличия, чем-то похожий на древесного волхва туземных сказок. Волхва все ради смеха называют Мерлином, однако чародейств, конечно, он не производит, а только фокусы, служащие потехой низкой толпе.

Государственными делами узурпатор не занимается, что также позволяет с уверенностью предсказывать скорый конец его правления, причем помимо всякого вмешательства имперской власти.

Vivat Imperator!»

Доктор Ликон Транакис с удовольствием посмотрел на бумагу...

* * *

Из записей Януария Ульпина

Пока всё складывается фантастически удачно!

Особенно нам повезло с имперским резидентом. Им оказался не выученный в тайных спецшколах Метиды чистокровный амориец, как можно было ожидать, а грек-ренегат, когда-то перешедший на сторону Империи. Конечно, он умен и мужествен, как подобает лазутчику, но, постоянно живущий под страхом изобличения и возмездия, Ликон некрепок духом, смущать его не слишком сложно.

Отец, однако, опасается иного. Беззубые отчеты Ликона Транакиса рано или поздно вызовут в Темисии подозрения: или резидент скуден умом, или предался неприятелю, или его рукою кто-то водит (sic!). Последнее для нас печальнее всего – достаточно прибить с инспекцией любому мало-мальски грамотному ментату, и он нас тотчас обнаружит. Не лучше, если взамен беззубого Транакиса пришлют в Нарбонну настоящего фанатика-службиста. А есть ещё Адепты Согласия, к которым невозможно подобраться даже моему отцу... что будет, если и они придут?

К счастью, пока эти опасения неактуальны. Дела в самой Империи Чудовищ также благоприятствуют нам. Корнелий Марцеллин слишком занят внутренними реформами; нарбоннский же вопрос он полагает для себя решенным: Варг рано или поздно склонит выи, тогда и будет уничтожен, в назидание всем прочим бунтарям. Фасций Клемин, которого новый правитель поставил министром колоний, – заурядный чиновник, к тому же старик семидесяти лет, не питающий каких-либо амбиций и более всего ценящий собственное спокойствие; у меня складывается впечатление, что Корнелий через Фасция Клемина нарочно запускает внешнюю политику, чтобы показать всем, и особенно Софии, как он нуждается в ней. Да, у нас будут неприятности, если София Юстина вернется в министерство: ей

довольно одного беззубого послания, чтобы заслат в Нарбоннию целый легион профессиональных инспекторов!

Воистину, нам следует поторопиться.

* * *

*148-й Год Симплициссимуса (1787),
27 апреля, Галлия, Нарбонна, дворец герцога*

Доротея сидела у окна и рассматривала диадему. Это была необычная драгоценность, вещь, имеющая собственную богатую историю.

Считалось, что создали её многие века тому назад великие умельцы из норвегов. Убор носили супруги галльских королей, а после распада королевства диадема перешла к женам герцогов Нарбоннских. Она представляла собой обруч с рунами, подобный тому, каким любила скреплять волосы северная богиня Фригг, супруга мудрого Вотана. А украшал убор огромный, величиной с кулак, смарагдовый камень. Однажды – было это лет двести тому назад – нарбоннский герцог подарил историческую диадему аморийскому правителю, который принадлежал к династии Юстинов; так драгоценность оказалась в фамильной коллекции князей. А полтора года тому назад наследница Юстинов, София, передарила диадему Кримхильде, дочери Круна, и та увезла драгоценность на родину. После покушения на герцогиню диадема перешла к Доротее, формальной регентше герцогства, однако вскоре верная жена Варга сочла себя обязанной пожертвовать и ею ради мужа. Замечательная диадема была продана пиратам и, казалось, сгинула навсегда. Поэтому жена герцога искренне изумилась, когда Варг безмолвно, но с любовью, живущей в каждом его взоре, вернул ей эту диадему.

– Я выкупил её для тебя, родная, – сказал Варг.

Доротея всплеснула руками.

– Тебе нужны доспехи, воины и хлеб, а не сверкающие безделушки, – с упреком молвила она.

– Всё это тоже будет, – ответил он, – Мерлин сказал, что найденного золота достаточно, чтобы набрать войско, какого не было у моего отца!

Девушка вздрогнула, когда Варг упомянул имя Мерлина – она всегда была сама не своя, когда видела старика или слышала его имя.

– Ну, не бойся, – с улыбкой сказал Варг, – Мерлин не причинит тебе вреда.

– А тебе? – тихо промолвила Доротея.

– Друид мой друг. Он привел меня к золоту.

– И он же помог тебе вернуть эту диадему?

– Почему ты спрашиваешь?

Доротея оглянулась по сторонам и открыла рот, чтобы что-то сказать... вдруг она побледнела, и слова замерли у неё на языке.

Варг давно заметил у жены внезапные перемены настроения; как и Ромуальд, он полагал их следствиями тягот, которым подвергалась Доротея, сенаторская дочка, а ныне добровольная спутница жизни мятежника.

– Родная, не тревожься, – ласково промолвил он, – мы столько пережили вместе и остались живы! Прошу тебя, не нужно изводить себя проблемами. Решать их – моё дело. Я герцог, государь, а ты всего лишь женщина, моя жена.

Налитые слезами глаза Доротея обратились к Варгу.

– Давно ты мне не говорил такое... – с горечью прошептала она. – Я была тебе другом, не только женщиной, женой. Ну, что ж! Теперь у тебя иные друзья... Мерлин и его сын!

Варг потемнел лицом.

– У Мерлина нет никакого сына, – отрывисто бросил он.

– Да, извини... конечно, я ошиблась. У Мерлина нет никакого сына.

Не в силах больше выдержать облик жены, Варг удалился, и вскоре до Доротеи донеслись раскаты его голоса: герцог бранил каких-то слуг, попавшихся под руку.

– Ах, как нехорошо, – чуть слышно произнес внезапный голос. – Ты, крошка, снова огорчаешь нас. А мы тебя предупреждали. Чего, наивная, надеешься добиться?

Доротея собралась с духом и вскинула голову.

– Варг должен знать, кто вы такие! – воскликнула она в пустоту.

– Он знает.

– Он знает? – смятенным эхом повторила девушка.

– Вернее, он догадывается, – ответил голос. – И это, собственно, уже не может изменить картину. Он, крошка, избран провидением, чтобы нести свободу угнетенным.

– А провидение – это вы и есть? И ваш отец?

– Да, мы и есть, глупенькая: на нас возложена ответственность за судьбы мира, так повелел Единый Бог.

– Вы демоны, – убежденно произнесла Доротея, – и всё, что вы проповедуете, всё, что вы делаете, всё, что несёте людям, проклято! Свобода ваша проклята! И золото проклято, и эта диадема, которой вы надеялись меня купить!

Она с силой отбросила драгоценность.

Невидимый голос, как показалось ей, глумливо рассмеялся.

– Нам нет нужды тобой обременяться, крошка, – услышала она, – ибо ты и так всецело в нашей власти. А будешь забывать об этом, как сегодня, – твой муж узнает, что ты всё время предавала его зловещим амореям.

– Но это ложь! – воскликнула девушка. – Он не поверит вам, он знает, сколь горяча моя любовь к нему и сколь крепка моя верность. Я не смогла бы предать Варга даже и родному отцу!

– Наша правда объяснит многие странности твоего поведения: многие, если не все. Не сомневайся, крошка, он поверит. И сверх того, его любовь к тебе поможет утвердиться в горечи предательства: «Любящий всегда верит тому, чего боится», это сказал Овидий, великий римлянин, певец любви.

– Нет, нет, вы не сделаете это... Я исполняла всё, что вы велели! Не можете вы поступить со мной столь низко – вы, называющие себя борцами за свободу!

– Этические категории нам малоубедительны, глупышка. Я это объяснял тебе не раз. И Варгу объяснял. Я говорил ему: «Если ты мечтаешь освободить свой народ, одно дело. Тогда все средства хороши, ну, или почти все. А если ты мечтаешь остаться в памяти потомков как благородный рыцарь, за правое и великое дело павший, – что ж, тогда сам выбирай, с кем тебе дружить!» Он выбрал. Выбрал нас. Выбрал свободу. Ты его жена. Ergo, его выбор – твой выбор. Не забывай об этом, крошка.

Доротея застонала и упала на кровать – но и там нашел её отрывистый, чуть приглушенный голос:

– У нас, восставших против многовекового рабства, нет и не может быть моральных предрассудков. Мы же не варвары. Мы наследники Рима, дети величайшей из цивилизаций. Сверх того, мы превзошли и преодолели в себе цивилизацию, нас породившую, ибо сумели выпустить свой дух на волю, в прямом и в переносном смысле. Наше мышление свободно. Мы не связаны цепями догм и суеверий. Мы пионеры духа, мы ученые, мы настоящие творцы грядущего миропорядка. И, как ученые, мы утверждаем: всё правильно, что требуется для раскрепощения человеческого духа, для достижения свободы гражданина и народа...

Доротей, содрогаясь от рыданий, заткнула уши, но у неё непрошено возникла мысль: «Какая же это свобода, когда Варг в вашей власти?!»

И был ей мысленный ответ: «Не в нашей власти – а во власти провидения! И никуда ему не деться от своей судьбы: его руками провидение проложит миру путь к свободе, справедливости и счастью».

Глава пятьдесят первая, в которой боевому генералу остаётся победить либо умереть на поле Амура

148-й Год Симплициссимуса (1787),

29 апреля, горы Киферона, Имперский центр рекреации и реабилитации

Марсия терзали недобрые предчувствия. Софию видел он всё реже, а накануне она и вовсе не ночевала у него. В душе Марсий отказывался даже предполагать, где и с кем она может быть. Ему было спокойно, лишь когда они проводили время вместе, наедине друг с другом, в окружении гор и снегов; в Киферополь он ездил с неохотой, ибо невозможно было не замечать восторженных взглядов, находивших Софию всюду, где бы она ни появлялась. А София, словно в пику ему, всегда была приветлива, любезна, и только боги знают, какие надежды подобное обращение могло внушить искателям её милостей. Марсий одергивал себя; он представлял, сколь глупо выглядит, ревнуя к жалким провинциальным кавалерам; в конце концов, размышлял Марсий, он князь, он молод, мужествен, красив и благороден, он не презренный служка, а воин, боевой генерал, хоть и не на службе, – София любит именно его! Ещё он напоминал себе, что София, конечно же, не кокетничает с кавалерами, нарочно заводя его... нет, она – прирожденный политик, и политики именно так ведут себя, когда им что-то нужно.

Но что ещё может быть нужно ей, если сама она отвергла власть и выбрала его, Марсия Милисина?

Он терялся в догадках, и недобрые предчувствия терзали его душу. В памяти всплывало холеное лицо Димитрия Адрина. Стоило появиться этому лицу, как десятки подобных лиц, словно призраки, окружали Марсия, нашептывали грязные слова, глумились над его любовью. Марсий знал, что эта самая любовь является его единственной защитой от безумных образов порочной ревности, и это осознание ещё больше угнетало его, потому что в такие моменты Марсий ощущал своё бессилие вмешаться и установить мужской контроль над страстью: он понимал, что призраки способны тотчас обрести плоть и кровь, если и когда сама София сочтет необходимым их призвать.

Отдохновение от скорбных мыслей он находил у матери. Бывало, Марсий появлялся в палате Клеменции поутру и уходил уже в сумерках. Клеменция Милисина, которую за жесткий и непримиримый нрав коллеги-сенаторы называли Фурией, в жизни была ему не только матерью, но и отцом: родного своего отца Марсий совсем не помнил. Марсий всегда был самостоятельным в убеждениях и поступках; властной матери хватило ума не пресекать сильный характер сына, но возвращать его. Клеменция не жаловала дочь свою Эстеллу, бесцветную и слабовольную особу, к тому же умудрившуюся стать женой, а вернее, рабой Корнелия Марцеллина; в Марсии же, напротив, она видела себя, сын представлялся ей не только единственным достойным наследником славного рода Милисинов, но и преемником её духа. Милисина всегда оставались династией воинов. Клеменция не сомневалась, что Марсий рано или поздно станет великим полководцем и горячей кровью врагов впишет в Историю своё имя.

Сам Марсий не пытался разбираться в чувствах матери; военную карьеру выбрал он не потому, что так хотела мать, а в силу собственных стремлений. Со стороны могло бы показаться, что он относится к Клеменции гораздо сдержанней, чем подобает любящему сыну, – но стоило произойти несчастью, как Марсий всё отринул, свою военную карьеру и отношения с Софией, он ринулся за матерью, туда, где мог быть ей полезен.

Он ни на миг не забывал, что удар с Клеменцией случился, когда ей сообщили о гибели сына. И хотя в том не было никакой вины Марсия, а были только происки невидимых врагов,

он считал первым делом княжеской, человеческой и сыновней чести вернуть Клеменцию к жизни – он не простил бы самое себя, если бы мать из-за него покинула прекрасный мир.

Нынче он особенно торопился к матери. Рано утром на виллу передали сообщение, что Клеменция желает его видеть. Всю ночь проводивший в тщетном ожидании Софии, Марсий переключил горестные думы с неё на мать и устремился в клинику. Но эскулапы поспешили обрадовать его: Клеменция с утра в отличном настроении, уже успела принять завтрак и прочитать газеты. Последнее немало удивило Марсия: за все месяцы болезни она ни разу не проявляла интереса к общественной жизни.

Обеспокоенный и заинтригованный, он вошел в палату матери.

Сенаторы Империи с трудом узнали бы неистовую Фурию в этой седой женщине. Неподалеку от постели лежало зеркало, и Марсий сразу понял, что Клеменция долго и мучительно изучала новую себя. Его сердце болезненно сжалось.

– Садись, Марсий, – строго сказала Клеменция. – Нам следует поговорить о твоей судьбе.

– Мама...

Она воздела руку, повелевая ему молчать и слушать.

– Я долго думала о тебе одна... но вчера имела разговор с Софией.

– С Софией?

– Да, – Клеменция вонзила пальцы в ладонь сына и произнесла: – Она любит тебя, Марсий, но ты её теряешь!

– Она сама это тебе сказала? – пытаюсь справиться с предательской дрожью, спросил он.

Клеменция отрицательно покачала головой.

– Ты знаешь, я всегда была против твоей связи с нею.

– Мама, я...

– Умолкни, сын! Послушай. Да, я всегда была против. Ибо я знаю эту семью... увы, я знаю её слишком хорошо! Юстины приучились властвовать, это у них в крови. Таков был приснопамятный Сульпиций, прадед Софии; я помню, когда он входил в комнату, все замирали в страхе! Я тогда была совсем маленькой, но до сих пор не по себе, когда вспоминаю Сульпиция. И его сын Донат, и дочь Диана такими были, и правили они Державой Фортуната, и им никто не мог противостоять. А после них пришел Тит, сын Доната, вернее, он вытеснил тетку свою из Квиринала, когда почувствовал себя сильнее. Пойми, сынок, для них, Юстинов, власть всегда на первом месте, и грех нам осуждать их за это! Они, считая с Юста Фортуната, создали наше государство, таким, какое оно есть. Мне порой кажется, что сами боги благоволят Юстинам... и отбирают из них лучших. Вспомни Овидия Юстина, старшего сына Тита, которого он пророчил в преемники. Овидий унаследовал таланты от отца... – Клеменция вздохнула, – но, видно, этого отныне мало, и Овидий умер. Наследницей Тита стала София.

Тут Клеменция недобро усмехнулась, и Марсий с изумлением услышал:

– Не ждала я, что кто-то в состоянии подмять под себя Тита Юстина; мне особенно приятно, что это сделала его родная дочь, и так скоро! Ты знаешь, я воспитана в добрых патрисианских традициях; меня всегда тревожило и возмущало поведение Софии. Я слышала о ней такое... что лучше при тебе не вспоминать. Но всё и всегда сходило ей с рук! Я знаю, скольких важных людей обидела София, – однако эти люди не горят желанием стать ей врагами. Все они зачарованы её умом, энергией и красотой. Она использует других, и женщин, и мужчин... особенно, мужчин! – Клеменция перевела дух и заключила: – Я всегда была против твоей связи с ней, ибо опасалась, что она и тебя сломает, а затем, когда ты ей накучишь, выбросит. Но ты, мой сын, оказался сильнее, чем я думала. Ты подчинил её своей

любви! Ради тебя она оставила столицу, оставила власть, к которой шла всю жизнь, переступая через нам подобных, – всё ради тебя, моего сына! Я горжусь тобой, Марсий!

Марсий, растроганный и потрясенный такими неожиданными откровениями, безмолвно поцеловал руку матери. Вдруг лицо Клеменции стало сурово, и она произнесла:

– А потом ты стал делать ошибки. Удовлетворился победой и тотчас позабыл, с кем имеешь дело. Она – Юстина. Она не может просто быть твоей. Мне горько это говорить, сынок, но без тебя София проживет, без власти – никогда.

– Она сама отказалась от власти.

– Да, отказалась – ради любви к тебе. Марсий, пойми, ты ей был нужен сильным и разумным. Такой, как ты сейчас, ты ей не нужен! Если ты любишь, ты должен примириться с мыслью, что рано или поздно она вернется в Квиринал: она такая, какая она есть, другой уже не станет. Цени, что она выбрала тебя. Сам видишь, какой у неё был выбор! Если ты любишь, ты должен полюбить и то, что дорого Софии, ты должен понимать её и поддерживать... тем более, сейчас!

Тон, которым Клеменция произнесла последние слова, насторожил Марсия.

– Тем более, сейчас?

Мать устремила на сына ясный, испытующий взгляд и, видно, решившись идти до конца, проговорила:

– Сейчас, когда София носит твоего ребенка.

– Откуда ты знаешь?

– Я женщина и мать. Я вижу, – просто ответила она.

Марсий встал и в возбуждении прошелся по палате.

– Но если это так, то почему София ничего не говорит мне, отцу?

– Она горда; ещё она помнит, как ты воспринял прошлого ребенка...

– ...Которого не было вовсе, – сумрачно промолвил Марсий.

– Да, и поэтому она молчит. Она не хочет связывать тебя ребенком. Она хочет, чтобы ты любил её саму, такую, какая она есть. И тогда ребенок будет вам не в испытание, а в радость.

– Мама, мама... – прошептал он. – Что же делать мне теперь? Я мечтал иметь ребенка от Софии!

– Ты должен перестать делить её со мной. Я прожила свое, а вы...

– Нет, не желаю слышать это от тебя! Ты долго будешь жить, на зависть всем нашим врагам! Я дал зарок, что не уеду, пока ты не поправишься, и точка, *alea jacta est*¹⁴!

Клеменция улыбнулась.

– Упрямством ты пошел в меня, сынок. И я не столь наивна, чтобы надеяться тебе разубедить. Послушай своё сердце. Ты, вопреки рассудку, полюбил Софию, и теперь уж поздно отступать! Это все равно, как если бы ты попал на территорию врага, где он повсюду: ты должен победить или умереть. Тебе ли, боевому генералу, это объяснять? Если вы вдруг расстанетесь, никто из женщин тебе Софию не заменит. Ты будешь одинок... поверь мне, прожившей всю жизнь в одиночестве, что нет ужасней пытки! Поэтому спеши к своей любви, будь снова сильным и разумным; она зовет тебя в Илифию, на берег океана – езжай скорее, пока она тебя зовет! Иди навстречу ей: «*Audaces Fortuna juvat*»¹⁵, как говорил Вергилий. Пойми же, наконец, она не может брать от жизни то, что ты согласен будешь дать. Она сама берет, что хочет. Спеши же, сын, за ней – прямо сейчас оставь меня, иди!

Рука Клеменции требовательно указала ему на дверь. Марсий не шелохнулся.

¹⁴ «Жребий брошен» (лат.), т.е. всё уже решено.

¹⁵ «Смелым судьба помогает» (лат.)

– Она нуждается в тебе, – прибавила Клеменция. – Там, в Илифии, в вашем поместье, вы будете жить друг для друга, она и ты, вы сблизитесь, и ты поможешь ей принять ребенка. Твоего ребенка!

– А ты? А как же ты?

– Я буду счастлива, когда ты пожнешь своё счастье. Иди же, сын! – воскликнула Клеменция. – Довольно опекать меня, как малое дитя!

И в этот миг, глядя на мать, Марсий вновь увидел в ней неистовую Фурию. «Она здорова, – с радостью подумал он, – и это означает, что мой зарок исполнен; я не нарушу свою клятву, если последую советам мамы»

Марсий подошел к постели, опустился на колени и поцеловал руку Клеменции – а затем, не говоря ни слова, вышел вон.

Как только он ушел, Клеменция вызвала своего адвоката, старого и преданного друга семьи.

– Составьте дополнение к моему завещанию, – велела адвокату Клеменция. – Я желаю, чтобы после смерти моей место князей Милиссинов в Сенате Империи перешло к Марсию, минуя его старшую сестру Эстеллу. Вы можете устроить это?

Адвокат всё понял.

– Да, ваша светлость. Это против традиции, но мы можем воспользоваться прецедентом трехвековой давности, когда Святая Курия оставила в силе завещание вашего предка Гонория Милессина, передавшего место в Сенате младшей дочери, в ущерб старшей. Однако... неужели вы полагаете, что сенаторская звезда защитит Марсия, если вдруг...

– Меня же защитила, когда Тит... Довольно, мастер. Я не желаю это обсуждать. Сенатор неприкосновенен *ipso jure*¹⁶. Даже Юстины не вольны переступить закон!

Адвокат покорно преклонил голову – и с горечью подумал: «Она ничуть не изменилась: такая же наивная, как тридцать лет назад!»

¹⁶ «В силу закона» (лат.)

Интерлюдия шестая, в которой боги Вальхаллы выказывают наибольшее расположение

148-й Год Симплициссимуса (1787),

30 апреля, Галлия, поле Регинлейв близ Нарбонны

Было сумеречно; ветер носился по полю, точно пытался загасить факелы, пылавшие в руках людей. В самом центре поля сложен был постамент из дубовых бревен, а на постаменте, покрытом новым флагом Нарбоннской Галлии, лежало тело.

Это был Крун, прежний герцог, отец Варга и Кримхильды, умерший – или убитый? – ровно год тому назад. Тогда его похоронили в спешке, не проведя над телом все обязательные ритуалы, и многим было непонятно, кого хоронит сын – любимого отца, великого правителя или недоброго владыку, предавшего нарбоннских галлов лютому врагу. А вскоре возвратились аморийцы, откопали тело Круна и похоронили заново, уже по аватариянскому обряду.

«Твой отец был великим воином и умным государем, – сказал Варгу Мерлин. – Он бы одобрил всё, что ты творишь, отстаивая землю предков. Ты не должен позволять лукавым амореям использовать святое имя Круна в борьбе против тебя»

Да, разумеется, Варг мог бы на это возразить, напомнить, что Крун сознательно предался амореям; что с полной искренностью преклонял колени перед Хрустальным Троном в Миклагарде; что и его, родного сына, поднявшего мятеж, пока был жив, склонял к покорности «естественной» имперской власти, и умер в день, который был назначен для решающего поединка с непокорным сыном, при крайне подозрительных обстоятельствах.

Да, Варг мог бы возразить Мерлину, сказать, что думает, – но он молчал, ибо вступать в спор с Мерлином не видел никакого смысла. Мерлин на то и Мерлин, чтобы всё знать лучше него, юного героя будущих сказаний. Мерлин – мудрый наставник. Таким был прежний Мерлин для легендарного Артура, короля свободных бриттов, – таким и новый Мерлин должен стать для Варга, герцога свободных галлов. Это понимали все. Это понимал даже верный Ромуальд, бесстрашный рыцарь, всей душой ненавидящий колдовство.

«Какое это колдовство? – недоуменно отвечал другу Ромуальд. – Когда это великие и мудрые друиды назывались колдунами?»

Конечно. Друид – не колдун. Друид – наставник и соратник властелина. Так говорили боги. Так завещали предки. Известно, что друидов наделяет мудростью сам Вотан.

Варг бросил взгляд на Мерлина. «Друид. Всем нам только друида не хватало, – подумал Варг и перевел взгляд на отца, и мысль отразилась от мертвого тела: – Отцу только друида не хватало! Для полного счастья».

Всё верно. Друид – он свой, из героических сказаний, он символ мощи предков, он память давней галльской воли – он много лучше и уместнее заморских чудодеев, каких-то непонятных еретиков с патристианскими именами, чуждыми слуху галла, с учеными словами, с идеями, далекими от здешней жизни. Друид же прост, как дерево дуб: известна мощь ствола, известны его корни, известно, что они в родной земле, ей верно служат.

Никто даже не думал выяснять, откуда взялся он, этот друид. Прежде в отеческих богов особенно не верили – а как поверишь, если они всегда и всюду отступают под натиском чудовищ-аватаров? – но стоило явиться Мерлину, и ожили в умах людей Донар и Вотан, Фригг и Фрея, Локи со всем своим нечистым потомством, имировы хримтурсы и карлики-нибелунги, мифические волки и драконы, великие герои и воинственные девы – все те, кого цивилизованные аморийцы привыкли называть «языческими идолами».

Варг думал о своих соратниках и подданных: «Им больше ничего не оказалось нужно, чтобы поверить древним сказкам. Один явился, и все поверили во всех!»

Лишь Доротея... Она страшилась друида. «Твоя жена ко мне привыкнет, – уверенно говорил Мерлин. – Их, амореев, с детства приучали: друиды – это зло, друиды девственников приносят в жертву, друиды пьют кровь маленьких детей. Хочешь, чтобы дочка Марцеллина сразу же поверила друиду? Это невозможно. Она поверит, когда привыкнет ко мне»

Верно, это было надежное объяснение, почему Дора страшится Мерлина. У Мерлина, между прочим, не бывало ненадежных объяснений. Варг хотел удовлетвориться им – и не мог. Ведь они оба, он и она, страшились Мерлина по одной и той же причине. Варг читал это в её глазах – скорбных, молящих, всегда полных горечи, обиды и все-таки любви. Как будто она хотела нечто от него, такое, что не решалась объяснять словами.

Он мог это представить. Он сам хотел того же, что она. Мысленно он не раз совершал этот подвиг – и мысленно же признавал, что подвигом таким убьёт её, себя и своё дело.

«Янус, – напоминал он себе. – Есть ещё Янус. Янус Ульпин!»

Янус мог быть где угодно и кем угодно. Варг не пытался вычислять, кто из соратников его может являться Янусом, – Янусом мог быть любой. Даже Ромуальд.

«Я не убью никого, – останавливал он себя, – нет в этом подвига, есть только слабость и отчаяние!»

Он вновь и вновь вспоминал слова Януса, сказанные ещё при жизни Круна, но по поводу Софии Юстины: «Там, где крепкая воля и могучий разум, мы бессильны».

«Он это искренне сказал, – думал Варг. – Они сильны тогда и там, когда и где мы слабы. Мы не избавимся от них, пока мы слабы. Ну что ж... Сыграем по их правилам»

Варг воздел меч и молвил:

– Мы провожаем государя. Великого отца нашей земли. И моего отца. Всю жизнь он дрался за свободу. Но под конец... Я не могу винить его. Он мой отец. Виню себя – и вас, друзья. Если бы мы сплотились вокруг Круна, он бы не сдался амореем!

Варг замолчал и оглядел соратников. Слова его застigli их врасплох. Но возражать никто не смел. Они смотрели на тело старого вождя, чья суровая мужская красота была возвращена искусством Мерлина, и переваривали слова Варга.

– Прощай, отец. Ты воспитал меня в любви к родной земле, и я продолжу твое дело. У меня есть воля, у меня есть вера, у меня есть верные друзья, у меня есть мудрый наставник, посланный богами, – здесь Варг повел головой в сторону Мерлина, – и у меня есть золото, зарытое моими предками, чтобы такой, как я, использовал его для достижения свободы! Мы победим и обретем её!

С этими словами Варг бросил свой факел в поленья. Издав прощальный галльский клич, то же самое сделали рыцари, стоявшие округ древесного постаменты. И костер запылал.

– Да будет так, по слову герцога и волею отеческих богов! – зычным голосом, подобным реву ветра в дубовых кронах, провещал Мерлин.

И вдруг, только сказал он эти слова, взаправду появился ветер – не тот, который суетно носился над полем, а могучий, целеустремленный вихрь, способный погонять коней. Но, странное дело, вихрь этот не загасил погребальный костер, напротив, он раздул пламя, и в считанные мгновения оно объяло тело Круна, взметнулось точно до небес, – а дальше и вовсе случилось удивительное.

Высоко в небе лепестки костра сложились в огромную огненную фигуру, накрепко слитую с могучим скакуном под нею. Судя по формам, фигура была женской. Лево́й рукой женщина правила конем, а в правой удерживала грозный меч. Была вся она в древних латах, черные волосы выбивались из-под крылатого шлема и развевались на ветру; неистовая всадница сделала круг над костром и опустилась.

– Это валькирия Регинлейв! – воскликнул Мерлин, и словно гром небес вторил ему. – Я узнаю её, воинственную деву, давшую имя полю брани! Великий Вотан нам прислал её! Смотрите же, смотрите!!

И на глазах у потрясенных рыцарей крепкая мужская фигура восстала из костра. Конечно, она не была живая; весь сложенный из искр, призрак старого Круна величественно помахал Варгу рукой – и впрыгнул к валькирии, на огненного скакуна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.